

**АРИСТАРХ РИДДЕР
НИКОЛАЙ ЖИВЦОВ**

**НАСТОЯЩИЙ
АМЕРИКАНЕЦ**

3

Николай Живцов
Аристарх Риддер
Настоящий американец – 3
Серия «Настоящий
американец», книга 3

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70396048

Аннотация

Продолжение приключений Фрэнка Уилсона, русского в шкуре американца. На дворе 1955 год.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	35
Глава 4	50
Глава 5	64
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Аристарх Риддер, Николай Живцов

Настоящий американец – 3

Глава 1

Суббота все никак не спешила заканчиваться. После изматывающей гонки и бурного ликования, в здании автомобильного клуба, что обосновался как раз в Ле-Мане началась пресс-конференция. Нас с Шелби засыпали каверзными вопросами, только американский репортер искренне радовался победе соотечественников, европейские журналисты большей частью недоумевали.

– Мистер Шелби, как вам трасса?

Мы с напарником сидим за столом, выставив на всеобщее обозрение полученные за победу кубки. За нашей спиной плакат с огромной цифрой «24». Журналисты расположились в зале, фотографы перемещаются, выискивая нужный ракурс, операторы спрятались за своей громоздкой техникой.

– Это не трасса, а форменный ад, – отвечает Кэрролл, вызывая удовольствие таким сравнением у французов – хозяев гонки. – Кое-где это даже не гоночный трек, а настоящая

проселочная дорога со всеми прелестями кроме навоза. – Переждав смех, напарник продолжает. – Соперники внезапно вылетают из темноты, кто-то столкнулся и горит на обочине, может быть это твой друг с которым ты еще вчера пил пиво в баре, ты стараешься ни в кого не врезаться и постоянно крутишь головой на 360 градусов и при этом давишь на все деньги.

– А как вы оцениваете уровень ваших соперников? Вы считаете они плохо подготовились к гонке?

– Нет, не считаю, – мотнул головой Кэрролл, усиливая эффект слов. – Нам достались сильные соперники с хорошей подготовкой и отличными машинами, многие из которых были заводской сборки. Так что мы победили в конкурентной борьбе.

– То есть вы считаете, что спорткар, сделанный любителями из пластмассы и алюминия лучше заводского над которым трудились профессионалы? – гримаса насмешки исказила лицо репортера из Англии.

– Ковчег построил любитель, профессионалы построили Титаник, – встречаю я.

Расхожая фраза из моего времени, после того, как ее перевели всем присутствующим, вызвала смех и аплодисменты.

– Пластмасса и алюминий – легкие материалы, потому мы их и использовали, чтобы облегчить кузов, – дополняет меня Кэрролл, когда все успокаиваются. – К тому же мой на-

парник несмотря на молодость – дипломированный инженер и талантливый изобретатель. Именно он придумал антикрыло, которое улучшило аэродинамику автомобиля и помогло одержать нам победу.

– Мистер Уилсон, почему вы не спешили на старте? – внимание репортеров переключается на меня.

Выхватываю взглядом из толпы задавшего вопрос немца и начинаю обстоятельно отвечать:

– Ле-Ман считается самой опасной гонкой в мире. Шансов свернуть в ней шею хватает и без безумия в самом начале. Вы же видели аварию сразу на старте? Это как раз следствие этой традиции. Так что я для себя решил, что спокойно подойду к машине, спокойно пристегну ремни безопасности и только потом стартую. Как видите, все удалось – я избежал аварии, и мы выиграли!

– Ремни безопасности? – переспросил, заглотивший приманку, репортер.

– Наш болид оснащен системой безопасности: ремнями и подголовником. Их предназначение – смягчить удар при аварии и предотвратить тяжелые последствия для водителя, – отвечаю я и перехожу к рекламе своих изобретений. – Как автогонщик и инженер я рекомендую устанавливать такую систему безопасности не только на спортивные машины, но и вообще на все. Пользуясь ремнями безопасности и защищающими шейные позвонки подголовниками, вы сможете сохранить как свою жизнь, так и жизни ваших пассажиров!

– А вы сможете на этом хорошо заработать! – выкрикнул все тот же англичанин.

– Патент на трехточечный ремень безопасности я сделал открытым для всех производителей транспорта в мире, – с прессой вступать в открытую конфронтацию нельзя, поэтому улыбаюсь.

– И что же такое произошло, что заставило американца отказаться от прибыли? – в ответ ухмыляется репортер.

Я делаю серьезное лицо, впуская во взгляд грусть и тусклым голосом произношу:

– Мой отец погиб в автомобильной аварии.

Слышу перешептывания – это перевод фразы кочует по залу. Англичанин недоволен своей промашкой и реакцией коллег, которые теперь смотрят на меня с симпатией, а вот на него без особой теплоты. Островитян в континентальной Европе все же не любят и не упускают удобного случая продемонстрировать им это.

– Мистер Уилсон, это ведь были ваши первые гонки? – меняет тему репортер из ФРГ.

– Да, вы правы, – киваю я, возвращая на лицо приветливую улыбку. – Хотел бы я повторить? Сейчас – точно нет, – на показ смахиваю пот со лба и устало вздыхаю.

Репортеры смеются.

– Посмотрим, что вы ответите на мой вопрос после того, как отоспитесь! – по-доброму подначивает меня немец.

Смех в зале усиливается.

Нет, это суббота точно бесконечна. Никакого отдыха после конференции не случилось. Под самый вечер пришлось возвращаться все в тот же клуб, там должен был состояться прием в честь покорителей вершины автоспорта. Понятное дело, пропустить я его не мог.

– Вот ты где, – на выходе из отеля меня перехватил Ромео.

Мы с ним уже сегодня виделись, сразу после конференции, но Винченцо успел лишь поздравить нашу команду с победой, меня все никак не хотели отпускать журналисты, требовали все новых деталей моей биографии. Ромео же, пока я прорывался из окружения, увел на второй этаж президент автомобильного клуба. Видимо, у него возникло какое-то неотложное дело к моему итальянскому деловому партнеру.

– Перри Мэтьюз, глава юридической службы «Way of Future LTD», – представил я Винченцо второго моего сопровождающего. Шелби он знал.

– Господа, вы не против если Фрэнк поедет со мной?

– Конечно, – не стал обижаться Кэрролл и залез в вызванное нами такси.

Мэтьюз, дождавшись моего кивка, сделал тоже самое.

Нам же с Винченцо предстояло добираться до клуба на черном «рено».

– Тебя сегодня будут брать в оборот, – после того, как мы оба устроились на заднем сидении, сообщил мне мой итальянский бизнес-партнер. В отличие от меня, одетого в офи-

циальный черный костюм-тройку, Ромео выбрал для визита на прием демократичную светлую двойку. – Слетелись стервятники! – выругался он. – Меня настоятельно просили не пытаться заполучить права на антикрылья, как на центральный замок и галогеновые фары. Этим козлам, видите ли не нравится, что ты сотрудничаешь с Альфа Ромео, – он вновь эмоционально выругался. – Фрэнк, ты чего молчишь?! Ты слышишь, что я тебе говорю?! Тебя постараются переманить!

– Я сделал ставку на Альфа Ромео, не переживай, – успокоил я своего делового партнера. – Продам им патенты, может даже за акции и разойдемся, довольные сделкой.

– Ты, черт возьми, хоть понимаешь, что сделал переворот в автоспорте?!

– Понимаю, – я поморщился от его крика.

– Нет, ты не понимаешь, – удрученно покачал головой итальянец. – Тебя попытаются заполучить целиком.

– Выкрасть что ли? Посадят в аналог советской шарашки и заставят изобретать для них железки дальше? – рассмеялся я, не веря в подобное развитие событий.

– Шарашки? – недоуменно уставился на меня Винченцо. – Все бы тебе шутки шутить, – проворчал он, когда я объяснил ему значение слова. – Нет, тебя попытаются женить.

– На ком? – теперь уже я насторожился.

– Тебе же вроде понравилась моя племянница, Александра? – увел он разговор немного в сторону. – Почему бы

тебе не жениться на ней?

– Предложение, конечно, лестное, – я подбирал слова, чтобы ненароком не задеть родственных чувств своего бизнес-партнера, – но это все так неожиданно.

– Это бы решило проблему, – практично заметил Ромео.

– Но нет же никакой проблемы, – пожал я плечами, так и не придумав, как меня можно женить без моего желания, я же не в средневековье угодил и не в тело принца.

Винченцо неопределенно хмыкнул.

– Что ты решил насчет заводской команды? – теперь уже я сменил тему разговора.

– Ты еще спрашиваешь? – мы оба рассмеялись. – Конечно команде быть!

– На создание новой серии автомобилей для американского рынка тоже согласен? – продолжил я напирать.

– Я-то, Фрэнк, согласен, но ты же знаешь нашу ситуацию, – улыбка с лица Ромео стерлась, и он раздраженно выругался. Итальянца злило, что он на собственном заводе не был хозяином. Меня тоже такое положение дел не радовало, пора уже было начинать лоббировать закон о выкупе завода у государства.

– Приезжайте ко мне с синьором Пулиджа. Проведем испытания системы безопасности автомобиля, у меня уже все для них готово, думаю, директора завода они впечатлят, и он даст добро на внедрение. Там и новую серию обсудим. Герра Хрушку можешь еще с собой захватить.

– Хорошо, недели через две жди, – кивнул он.

Как Винченцо и предрекал, на приеме меня с ходу взяли в оборот руководители гоночных программ, то есть топ менеджеры и члены совета директоров «Порше», «Мерседеса», «Мазерати» «ОСКА», «Рено», «Ягуара», «Фиата», а также владелец «Астон Мартин» Дэвид Браун и даже Энцо Феррари набрался наглости купить у меня патент причем за вульгарные пару тысяч долларов. Вот конкретно от тебя я возьму только акции, как от «Мазерати» с «Фиатом». У меня на эту тройку особые планы.

Мэтьюза я, конечно, им сразу же представил, но такие уважаемые люди жаждали переговорить лично со мной. При чем всем скопом, боясь оставить меня с кем-то из них наедине. Эти прожженные дельцы договорились облапошить юнца, но нарвались на такого же прохиндея, как они сами. Поэтому переговоры вышли жаркими и продолжительными. Но я урвал все, что хотел.

Довольный собой покинул переговорную, оставив там Мэтьюза оформлять договоренности, и направился в банкетный зал, чтобы присоединиться к Кэрроллу Шелби, который оказывается не скучал, а весело проводил время в обществе двух очаровательных француенок.

Меня же по дороге к этой многообещающей компании перехватил американский посол во Франции.

– Мистер Уилсон, наконец, вы смогли вырваться от этих европейских пираний, – широко улыбаясь, поприветствовал

меня Кларенс Дуглас Диллон.

– Прошу прощения, что заставил вас ждать, – изобразил я смущение. – И можно просто Фрэнк, – разрешил я фамильярность будущему министру финансов США.

– Без проблем, Фрэнк. Понимаю – бизнес.

– Он самый, – вздохнул я и едва успел прикрыть зевот ладонью, чем вызвал его добродушный смех.

– Тебе надо как следует отдохнуть, Фрэнк, – сказал посол очевидное.

Я неопределенно кивнул и потянулся за выпивкой к подносу официанта, что курсировал по залу.

– Когда вы собираетесь возвращаться домой? – спросил он меня.

– Через день, скорее всего, – мне пришлось задуматься перед ответом. Дело в том, что все эти важные господа из руководства автокомпаний выпросили у меня презентацию моего чудо-болида. Хотя было бы странно если бы они не захотели пощупать выигравшую гонку машину.

– Отлично, в Нью-Йорке тогда успеют все подготовить.

– Что подготовить? – насторожился я.

– Вашу встречу, Фрэнк. Вы же первые американцы, выигравшие 24 часа Ле-Мана, – объяснил мне как неразумному посол. – Или ты думал тихо вернуться домой и спрятаться в своем Миддлтауне? – рассмеялся он.

– Примерно так, – медленно соображал я. Усталость, плюс форс-мажоры, предшествующие гонке. Было как-то не до

планирования своего триумфального возвращения в Штаты.

– Нет, Фрэнк, вашу команду ждет торжественная встреча, – обрадовал меня посол. – Америка будет чествовать своих героев!

Я выдавил из себя улыбку, лихорадочно соображая, что можно будет с этого поиметь. Ладно, отложу этот вопрос до завтра.

Пока же на очереди была реализация плана по популяризации моей системы безопасности автомобиля. И для этого мне предстояло как следует потрудиться, и первым пунктом было провести для покупателей, уже не потенциальных, а бьющих копытами, наших новинок обстоятельную презентацию. Для неё мы смонтировали пассажирское кресло в наш болид, а потом Кэрролл, ему я доверял больше, как следует покатал, наконец, определившись с очередностью вип-пассажиров. Сначала без антикрыльев, благо, эти детали монтировались за пять минут, как и системы безопасности – быстросъёмные подголовники и подлокотники. А затем уже на полностью подготовленной машине.

Я помнил, что произошло с нашим Фиатом, когда мы засунули ему под капот практически в два раза более мощный 12-ти цилиндровый двигатель от Феррари вместо родной V-образной двухлитровой восьмерки. Наш болид буквально старался взлететь от того насколько в нём стало больше мощности. Вот разницу в поведении машины с аэродинамическими элементами и без них и продемонстрировал Кэр-

ролл.

Беспроегрывшая стратегия – гарантия успеха. И его мы добились.

Наша система безопасности, она же система комфорта тоже была принята очень даже благожелательно. Притом, пока что именно вторая её составляющая – комфорт. Сама возможность хоть немного расслабиться, не потерять концентрацию, стоила очень много.

Все преимущества, которые дают трехточечные ремни безопасности я договорился показать теперь уже бизнес-партнёрам через три недели в Миддлтауне. Далеко не все кто работал на меня на моем новом заводе отправились во Францию. Группа рабочих и инженеров как раз сейчас заканчивала монтаж испытательного стенда, на котором и будут проводится первые в мире краш-тесты.

После того как Кэрролл покатал владельцев заводских конюшен, настала очередь вчерашних конкурентов – гонщиков, которых мы опередили на трассе. Хоторн, Маклин, с пяток гонщиков из команд поскромнее, да даже спасенный мной Пьер Левег сменил гнев на милость. Мы посмеялись с ними над самими собой и над нашей потасовкой после гонки.

Энцо с его инженерами и гонщиками тоже были допущены до болида. О компенсации за неприятности мы договорились с ним еще вчера, взял я акциями и двигателями, которые теперь для меня будут делать Ферарри. Не стал идти

на принцип. Отыграл простого, отходчивого парня. Прежде чем наносить удар, нужно усыпить бдительность противника, а еще лучше закрыть с его помощью свои нужды – следовать этому правилу меня научила моя прошлая жизнь. Пусть жертва расслабится, почувствует себя неуязвимым и главное необходимым тебе. Так будет легче ее затем схарчить.

В отель я возвращался довольным, пьяным и занятым мыслями. После презентации мы с гонщиками, в том числе Пьером, завалились в бар и отпраздновали как следует нашу с Кэрроллом победу, без всяких галстуков и помпезных речей. Там-то и пришла ко мне идея попробовать разработать систему автоматического пожаротушения. Ведь если бы история пошла по прежнему сценарию, то болид Левега загорелся.

И теперь, когда я в одиночестве возвращался в отель по мощеным улицам старого города, Кэрролл умотал на свидание со вчерашней француженкой, то размышлял реально ли осуществить эту задумку сейчас или моя идея так и останется не сбывшимся прожектором.

Да, это, наверняка, очень сложно, дорого, к тому же установка такой системы приведёт к значительному ухудшению аэродинамических характеристик гоночных болидов, веса-то она добавит довольно много: автоматика, датчики, независимый источник питания и огнетушители, притом азотные.

Скорее всего, из-за этого именно на машины участвую-

щие в гонках её не будут ставить. Но вот если у меня всё получится, то в грядущий имидж Альфа Ромео как самой безопасной машины добавится очень красочный штрих.

Да и в линейке автомобилей для Штатов она будет тоже уместна. Философия F...k fuel economy никуда не делась, под капотом у американских тачек сейчас многолитровые движки, а сами они очень больших габаритов, дорожные крейсера, не иначе. Если всё по-умному сделать, то грядущая система пожаротушения подойдет к практически любой американской машине. Эти монстры и не заметят лишней сотни килограмм.

Так что все же надо будет попробовать сделать эту систему. Тем более, теперь у меня под рукой целый завод, вернее даже два. И так как мы договорились с Феррари по поводу двигателей, то у меня образовывается даже некоторый переизбыток свободных инженеров и рабочих. Им и можно будет поручить этот проект.

Задумавшись даже не заметил, как дошел до отеля, на автомате поздоровался с дежурившим за стойкой портье и поднялся на второй этаж.

– Алкаш! Опять нажрался! – эти ласковые слова неожиданно прозвучали в коридоре, когда я уже подходил к своей двери, а затем меня запихнули в номер.

Глава 2

– Приходи завтра, – простонал я в матрас. И эта попытка вырваться вышла корявой, я запутался в штанинах и свалился прямо в кровать.

– Да кому ты нужен?! Лежи спокойно, я сказала, не дергайся! – дальше начались причитания на итальянском и попытки довершить начатое. Наконец штаны поддались и с меня стали сдирать рубашку. Раздался характерный треск, а затем и звон, и я догадался, что жутко дорогие запонки улетели куда-то в неизвестность.

– Купишь мне новые, – предупредил я мучительницу.

– Еще чего, – услышал в ответ и чуть погодя эмоциональное. – Фу! – это мучительница добралась до носков. – Какой же ты вонючий!

– Наслаждайся, – съязвил я, пытаясь дотянуться головой до подушки.

– Все, спи! – на меня накинули сверху простыню и свет потух.

Пробуждение выдалось как ни странно терпимым, голова не гудела, а совсем рядом на прикроватной тумбе благоухала кружка свежесваренного кофе.

– Проснулся, любимый, – от этой ехидной интонации кофе зашло не в то горло, и я закашлялся.

Меня заботливо постучали по спине и даже вытерли ка-

кой-то тряпкой губы.

– Пить надо меньше, – поучительно заметила красotka, что сидела на краю моей кровати. Ее взгляд, устремленный на меня, выражал садистское наслаждение. Или это мне с похмелья привиделось?

– Я тоже рад тебя видеть, – откашлявшись, поприветствовал я сегодняшнюю незваную гостью и вчерашнюю мучительницу в одном лице.

– Приводи себя в порядок и спускайся. Позавтракаем вместе, – сверкнув сапфировыми глазами, велела она и, поднявшись с моего ложа, восхитительно покачивая бедрами, вышла из номера.

Разумеется, я не смог проигнорировать такое приглашение. Подскочил как ужаленный и скрылся в ванной, а уже минут через пятнадцать свежeweымытым и надушенным Chanel Pour Monsieur входил в небольшой ресторан при отеле.

Вайлетт сидела за столиком у окна, сквозь которое в обеденный зал пробивались лучи утреннего солнца.

Я занял место напротив и сделал заказ официанту. Шведский стол с его самообслуживанием еще не получил в Европе широкое распространение.

Мы молчали, каждый думая о своем. Она изящно орудовала вилкой, поедая овощи и омлет, время от времени скользя по мне взглядом, то задумчивым, то изучающим, а я просто наслаждался тишиной и обществом желанной женщины.

Нам было хорошо вдвоем в это утро.

Принесли мой непритязательный завтрак из овсянки с то-стами и еще одним кофе. Она дождалась, когда на моей та-релке останется ровно половина и только тогда заговорила.

– Я рада, что ты победил, и вдвойне рада, что ты победил на машине Аньелли.

– От Фиата на моем болиде остались только кузов и ра-ма, – парировал я.

– Чья рама того и машина, – ослепительно улыбнулась Вайлетт.

– Только в контексте принадлежности транспортного средства к какой-нибудь серии, – захотелось повредничать, а то сидит тут передо мной такая вся из себя красивая и драз-нит. – Ты же прекрасно знаешь, что до Ле-Мана, в отличие от «Формулы 1» допускаются только серийные машины. По-этому я и взял за основу Фиат. Только по этой причине.

– Но ты все же взял Фиат, – она интонацией выделила по-следнее слово.

– Ну да, – пожал я плечами, – других свободных тачек у меня не было.

– То есть ты пытаешься меня убедить в том, что взял что под руку подвернулось? – наставила она на меня вилку.

Я молча развел руками и на всякий случай отодвинулся.

– От Фиата только упаковка, начинка вся эксклюзивная. Мы поставили более мощный двигатель, изменили систему охлаждения, поменяли радиатор и решетку радиатора, убра-

ли отопительную систему, заменили коробку передач, тормоза, навесили аэродинамические детали, изменили развесовку кузова, установили систему безопасности, поменяли приборную панель – спидометр и тахометр, полностью изменили салон: выкинули задний диван и переднее пассажирское сидение, поменяли кресло для водителя, превратив его в ложемент, установили за ним ребра жесткости. Передний бампер тоже другой, – засыпал я ее техническими подробностями, просто чтобы отдалить тот момент, когда она все испортит своей просьбой или предложением.

– Что ж, вы хорошо потрудились, – в ее глазах мелькнуло что-то неуловимое, я не успел расшифровать.

– Да, мы три последних месяца провели словно на каторге, – грустно усмехнулся я. – И мы заслужили эту победу.

– Заслужили, – согласилась она и опять повисла эта недосказанность. – Я и пришла затем, чтобы поздравить тебя с ней, – отмерла Вайлетт.

– Спасибо, – настороженно поблагодарил я, все ещё ожидая подвоха.

– Что ж, приятно было увидаться, – она поднялась со стула, одарила меня на прощанье таинственной улыбкой и ушла.

– И что это было? – пробормотал я ей вслед.

В реальность меня вернул подошедший Кэрролл. Он лучился довольством от прошедшей бурной ночи и во всю зевал.

– Кофе и чего-нибудь съестного принесите, лучше стейк, – крикнул он официанту, что уже спешил к новому клиенту. – Проголодался я чего-то, – сообщил он мне, плюхнувшись на место, которое еще недавно занимала Вайлетт, наслаждалась солнечным утром и загадочно смотрела на меня. А я так и не сумел разгадать эту загадку.

* * *

Из терминала мы вышли под гимн США в исполнении самого настоящего оркестра, оглушительные аплодисменты и приветственные выкрики целого океана людей, размахивающих звездно-полосатыми флажками.

Не знаю, как ребят, но меня пробрало, хотя, судя по их ошалелым взглядам и в тоже время счастливым лицам они испытывали тот же восторг, что и я. В той жизни меня нигде так восторженно не встречали. И я чуть было из-за этого не дал слабинку, пока не напомнил себе, что все они – мои враги. Стало легче, глаза, что опасно увлажнились, моментально высохли, и я натянул на лицо показательно-радостную улыбку.

Встречал нас мэр Нью-Йорка, Роберт Фердинанд Вагнер Второй из демократов, с незнакомыми мне политиками, возможно, калибром побольше, но как хозяин города приветственную речь начал именно он.

Я аж заслушался дифирамбами, в которых фигурировали

и «надежда нации», и «настоящие сыны Америки», и «теперь во всем мире знают, что американские гонщики – лучшие из лучших», и, конечно, обязательное место про первых колонистов и борцов за независимость и то, что мы достойные продолжатели их славных дел.

От фотовспышек слепли глаза, и я предпочел уйти с первого плана. От вопросов журналистов отбиваться пришлось Шелби, как самому опытному из нас. Остальные ребята из команды терялись и ничего вразумительного произнести не могли, кроме как «спасибо», «было сложно» и «мы старались и победили». Но из-за их широких спин меня выдернул лично мэр и представил публике как самого главного говнюка, то есть героя, припомнив мне как передачу в музей статуи, так и открытие на территории штата завода «Моторы Уилсона», на котором и создали самый быстрый в мире болид.

Снова овации, снова фотовспышки и повторяющиеся вопросы репортеров. В автомобиль залезал я полностью выпотрошенный, мечтая лишь о тишине и одиночестве. Скорей бы добраться до Sweet home Middletown.

Добраться-то мы туда добрались, но остальные планы полетели к черту.

Шериф округа, не иначе как на всеобщей волне патриотизма, что внезапно охватила Америку, с помощью своих людей отследил, когда мы будем на подъезде к городу и там нас ждала горячая встреча.

Десяток полицейских машин составил почетный караул, улицы по пути от шоссе на Большое яблоко были усыпаны народом, а на пяточке перед моим баром нас приветствовала огромная толпа из горожан и гостей города. И самый главный сюрприз нас ожидал после того, как мы припарковались. Элвис, будущий король рок-н-ролла исполнил свою, надо сказать, очень зажигательную версию американского гимна.

Слушать “The Star-Spangled Banner”, вот это вот “O say, can you see” в его исполнении было довольно странно. Это в двадцать первом веке стало в порядке вещей делать из американского гимна хэви металл или рок версию. Здесь же я впервые слышал столь неформальное исполнение гимна. Элвис спел со всеми характерными для себя приемчиками, и кажется все остались довольны его версией, даже наш шеф полиции, который тоже присутствовал на торжественной встрече, хоть она и было ему неприятна.

– Твоя работа? – кивнул я на Элвиса, после того как вылез из машины и поздоровался с сияющим белоснежной улыбкой Ленни Брюсом.

– Моя. – Не стал запираться комик. – После твоего фестиваля мы обменялись визитками и когда я услышал о твоём успехе в Европе, то сразу позвонил Майку, – Ленни имел в виду бармена моего бара, – а когда тот дал добро на организацию торжественной встречи, то связался уже с Элвисом.

– Оригинально, ничего не скажешь, – усмехнулся я.

Дальше пошел официоз. Мэр Миллз толкнул речь, спаси-

бо что не очень длинную, насчёт локального патриотизма, частью которой было из разряда “я помню Фрэнка еще ребенком и уже тогда я говорил его отцу, моему старому другу, что парня ждёт большое будущее”.

Это-то меня и триггернуло.

Старый козел, где ты был, когда мой старик запутался в долгах и не придумал ничего лучше, чем пуститься во все тяжкие со страховой, а потом еще и покончил счёты с жизнью?!

Чуть не сломал местечковому главе челюсть. Вот было бы шоу, достойное появиться в новостных каналах.

Тише приятель, тише. Я разделяю твои чувства, но пока не время выставлять их наружу, этому стороннику Эйзенхауэра мы с лихвой отплатим на следующих выборах.

Обуздав хлынувшие из меня эмоции Фрэнка, я пожал руку Миллсу и занял его место за импровизированной трибуной.

– Дорогие друзья, жители славного Миддлтауна. Когда-то давно отец сказал мне одну очень важную вещь, – неважно что он этого не говорил, сейчас надо пафосно выступить и я решил воспользоваться цитатой из известного в моем времени фильма. – Счастлив тот человек, кто нашёл свое дело в этом мире, потому что он ни одного дня в жизни не будет работать. Я это дело нашёл! – показал рукой на свою пивоварню. – Но на этом не остановился, а стал мечтать дальше. А потом нашел еще одного мечтателя – Кэррола Шелби, че-

ловека которого я с гордостью могу назвать своим другом! – Повинуясь моему жесту толпа начала аплодировать Кэрроллу, а тот ничуть не смутившись снял свою щегольскую ковбойскую шляпу и поклонился. – И мы вместе показали, что такое настоящие американцы, связанные одной целью. Наши отцы десять лет назад сделали это на танках, теперь пришла пора и их сыновьям! – Боже, что я несу? Какие блин, американские танки. Но ладно, толпе это явно нравится. Да и парочка репортеров строчат в своих блокнотах, так что да, пиар машина имени меня работает на всю. Когда аплодисменты смолкли я продолжил:

– Вместе с Кэрроллом мы всего за три месяца построили лучшую гоночную машину в мире. Построили, а потом поставили всё, даже наши жизни на то, чтобы доказать, что мы и наше творение лучшие. Мы рискнули и выиграли!

Тут мне снова пришлось прерваться, я зажёг толпу не хуже Элвиса. Казалось, что еще немного и мои фанатки, чёрт, очень приятная мысль, начнут забрасывать меня трусиками.

Экзальтированные девушки, наконец, замолчали, как и слушатели мужского пола, которых было здесь не меньше, и я смог продолжить:

– Да, мы выиграли! Показали, чего стоят американцы в 24-часовом аду! Но это не конец истории, а только её начало. Из Европы я приехал не просто так, а с подписанными бумагами. И очень скоро Миддлтаун, наш с вами Миддлтаун станет местом, где будут собираться самые быстрые, самые

мощные и самые лучшие машины в мире!

На этой высокой ноте я закончил свою импровизированную речь и под овации смог, наконец, зайти в собственный бар, где в честь меня, Кэрролла и команды устроили самую отвязную вечеринку в истории города.

Называется, оторвался. Это был первый раз за всё время с тех пор, как я осознал себя в США пятидесятых, когда я позволил себе так расслабиться и столько выпить.

Спасибо жене Билли, она взяла на себя роль доброго ангела-перевозчика и доставила меня и Кэрролла, не понимая почему он остался со мной, а не замутил с какой-нибудь восторженной любительницей гонок из Миддлтауна, в фамильную резиденцию Уилсонов.

В итоге я проснулся в собственной спальне от того что дьявольское изобретение Александра Грехема Белла пронзительно било мне по ушам. Телефон все не унимался, но силу земного притяжения я сегодня побороть был не в силах. Не то что оторвать голову от подушки, я даже протянуть руку в сторону трубки не смог. Простонал что-то неразборчивое вместо емкого ругательства, язык ворочался с трудом, а во рту царил сушняк с привкусом тухлятины.

Так пить нельзя – из путанных мыслей вычленилась единственная здравая.

Все, с сегодняшнего дня начинается трезвая полоса жизни!

– Чего надо? – я все-таки дотянулся до телефонной труб-

ки.

– Добрый день, могу я поговорить с мистером Фрэнком Уилсоном? – прозвучал в ответ максимально обезличенный мужской голос. Такой бывает у коллекторов, страховых агентов или банковских служащих.

– Я вас слушаю, – и не подумал переходить в вежливый режим. Не до того было. Мысль о вреде пьянства сменили воспоминания о минералке в холодильнике и упаковке Алка Зельцера во внутреннем кармане моего пиджака. А этот тип мешал мне до них добраться.

– Мистер Уилсон, меня зовут Стивен Стэмкос, я старший менеджер отделения Bank of America, в котором обслуживается расчетный счет вашей компании Wilson American.

Надо же, я угадал. Вот только что этому Стэмкосу от меня надо?

– Все счета моей компании оплачены вовремя. Я в этом уверен.

– Извините если я не вовремя, мистер Уилсон, – да ты телепат Стивен! Ты охренеть как не вовремя! – но к нам обратился еще один наш клиент, мистер Алек Ульманн, я уверен, что ваш партнер по недавней гонке, Кэрролл Шелби, знает кто это. Мистер Ульманн настаивает на встрече.

– Интересный способ сообщить об этом, привлекая банкиров, – проворчал я в трубку, пытаясь понять к чему это звонок, что в моем состоянии было не просто.

– У мистера Ульманна есть проект который наш банк счи-

тает интересным.

– Так, Стивен или как вас там. Дайте мне полчаса. Вы немного не вовремя.

– Да конечно мистер Уилсон. Я перезвоню вам через час. Когда Стэмкос повесил трубку я отправился в ванную, кое-как привел себя в порядок, потом спустился на кухню, там моя экономка уже сварила кофе, именно то, что нужно для прочистки мозгов.

Я выпил крепчайшего американо, выкурил сразу пару Лаки Страйков и в голове немного прояснилось.

Кто такой этот Ульманн я даже не представлял, но менеджер банка так уверенно ссылаясь на Кэрролла и я решил не откладывать дело в долгий ящик. Тем более, Шелби сейчас давил на массу в гостевой спальне на первом этаже.

– Алек Ульманн? – переспросил он меня, когда я его растормошил и заставил пить кофе с бисквитами.

Даже обидно стало, в отличии от меня на Кэрролла вчерашние возлияния как будто вообще не повлияли. Он уж слишком быстро пришел в норму, намного быстрее чем я сам. Ненавижу несправедливость.

– Ну да, этот халдей из банка так и сказал, “Мистер Алек Ульманн”.

– Интересно, – отозвался Шелби, пожимая плечами. – Ульманн основал 12 часов Себринга. Даже не знаю, что ему от тебя понадобилось.

Его слова заглушил звонок телефона.

– Сейчас и узнаем, – я снял трубку.

Действительно, узнали. Мистер Ульманн хотел с нами встретиться и обсудить перспективы создания американского аналога Ле-Мана.

Притом, он настолько загорелся этой идеей что уже вчерне обсудил перспективы с Bank of America, они должны были стать кредиторами проекта и был согласен приехать в Миддлтаун на встречу, которая и состоялась через день в моем особняке.

– Это всё прекрасно, мистер Ульманн, – произнес я на исходе почти часовой презентации, которую тот провёл для нас с Шелби. – Но я не понимаю зачем это нам?

– Фрэнк, вы только что победили в Ле-Манне. Плюс я знаю, что все гоночные команды из Европы заинтересованы в ваших патентах.

– И? Я всё еще не понимаю, – продолжал я отыгрывать молодого и еще наивного парня. Перспективы от предложения я увидел уже в самом начале нашей встречи, а сейчас позволял себя уговаривать.

– Вы с Кэрроллом будете лучшими амбассадорами проекта из всех возможных. Европейские гоночные команды будут слушать вас очень внимательно. Кроме того, Уилсон и Шелби – это уже бренд, под который нам выделяют деньги многие спонсоры. Плюс вы уже имеете опыт постройки трассы очень похожей на Ле-Манн, – это он, видимо, о местном заброшенном аэропорте.

– Алек, вы уже выбрали место где может обосноваться американский Ле-Манн? – я решил прервать сплошной поток лести.

– Да, конечно, – улыбнулся Ульманн, обнажив крепкие зубы, – лучшим местом мне представляется Дайтона.

Ну вот он и произнес главное!

Себринг, Дайтона, Ле-Манн – тройная корона гонок на выносливость. Буквально через десять лет это все будет вне зависимости войду я в проект или нет.

Запах очень больших денег ударил мне в нос. Стать совладельцем 24-часов Дайтоны – что может быть заманчивее?

– Господа, я согласен войти в проект, но не только как амбассадор. Мне нужна треть.

Ульману и ребятам из Bank of America моё предложение не понравилось, тогда я недвусмысленно намекнул что и сам смогу организовать “гран-при Апстейта” благо мест в штате было полно. И только после этого они начали торг. Сговорились на четверти, и на следующий день мы с Перри и кучей корпоративных юристов банка с другой стороны подписали договор о намерениях. Шелби войти в долю отказался, не было у него на это денег, да и статус амбассадора его вполне устраивал.

А ближе к вечеру в моем особняке раздался очередной телефонный звонок. В этот раз нас с Кэрроллом пригласили на NBC, на шоу “Сегодня вечером со Стивом Алленом”. Мы становились популярными.

– Добрый вечер дамы и господа. Вы смотрите шоу “Сегодня вечером” и с вами я, его ведущий Стив Аллен. Сегодняшними гостями должны были стать Филлис Дилер и Джинн Кэрролл и я хотел поговорить о женском стендапе, и том влиянии, которое оказывают женщины на современную американскую комедию. Но буквально позавчера мне на студию принесли вот этот материал.

За спиной Аллена, а затем и на миллионах экранах американских телевизоров появляется смонтированная запись гонки в Ле-Мане.

Кадры старта, на которых один единственный гонщик спокойно идёт, пока остальные бегут, парочка моментов с авариями, победный финиш, объятия и душ из шампанского на пьедестале.

– Дамы и господа, встречайте – Кэрролл Шелби и Фрэнк Уилсон – первые американцы, победившие в европейской гонке 24-часа Ле-Мана!

Под аплодисменты, в студии вечерних американских шоу были зрители, они и хлопали нам, мы с Кэрроллом появляемся перед объективами телекамер.

Аллен встает из-за своего стола и пожимает нам руки.

– Хмм, – на публику задумывается он. – Я вижу здесь двух участников триумфа. Но где же третий?

Ведущий оглядывается и махает рукой, словно подает знак. Через секунду под восторженные вопли зрителей на сцену въезжает наш Фиат.

– Итак, Кэрролл, Фрэнк, кто был зачинщиком всей этой истории? – начинает Аллен интервью, когда мы все рассаживаемся в кресла.

– Вообще-то это был Фрэнк, – переводит на меня стрелки Шелби. – Мы с ним познакомились в Италии в прошлом году, договорились встретиться во Флориде после гонки в которой я должен был участвовать. И он приехал, причем сразу на Фиате, и предложил сделать из него гоночный болид, а затем выступить на нем в Ле-Манне.

– Очень интересно. А как вообще вы познакомились?

– Всё очень банально, Стив, – тут уже я вступаю в разговор. – Мы с Кэрроллом надрали задницу итальянской шпане, которая решила испортить свидание одной парочке. Ну а после мы пропустили по стаканчику и разговорились, – отыгрываю я роль молодого безбашенного американца.

– Надеюсь у вас не было проблем с итальянской полицией? – в притворном ужасе восклицает ведущий.

– Ну что вы. У этих парней были еще большие проблемы с законом, чем у нас, так что обошлось без полиции. Ее просто никто не вызвал, – объясняю я расклад под смех зрителей.

– Фрэнк, я ведь правильно понимаю, тебе не впервой быть в центре внимания? – после того, как восстанавливается тишина, Стив задает следующий вопрос. – Это же ты нашёл в

Италии древние статуи, одна из которых сейчас в музее Нью-Йорка?

– Было дело, – скромно признаюсь я.

– А правда, что у тебя несколько изобретений?

– Ну да, сделал парочку, – я вновь киваю.

– И ты профинансировал создание вашей машины и сам на ней участвовал в гонках?

– Всё правильно. Не знаю, как Кэрролл уговорил меня стать гонщиком. Приятель, – я дружески стучу кулаком по плечу Шелби, – больше ты меня в такое не втянешь. Теперь я уже знаю, какой это адский труд.

– Посмотрим, что будет в следующем году, Фрэнк, – улыбается Кэрролл и мы вместе с залом смеемся.

Затем несколько минут разговор идет о том, как мы делаем машину, о самой гонке и о наших с Шелби дальнейших планах.

– Парни, а вам не обидно что эта самая тяжёлая и престижная гонка на выносливость проводится в Европе, а у нас нет ничего подобного? – напоследок задает вопрос ведущий, который мы обговорили до интервью.

– Спасибо что спросил, Стив. Обидно конечно. Но мы уже придумали как устранить эту несправедливость. И совсем скоро мы сделаем одно заявление, которое, думаю, всем вам понравится. Ну, а пока это секрет, – я прикладываю палец к губам. Новость о строительстве гоночной трассы в Дайтоне запускать в массы пока рано, сейчас моя задача – подогреть

интерес публики.

Глава 3

Еще недавно Миддлтаун считался тихим американским захолустьем, где из всех развлечений только кинотеатр, посещение церкви по выходным и игры студенческой команды по футболу.

Сейчас же благодаря одному слишком деятельному попаданцу наши края стали стремительно набирать популярность. Первыми к нам зачастили любители провести хорошо время: послушать комика под лучшее пиво в Новой Англии.

После рок-фестиваля пришла черед музыкантов, которые начали съезжаться в Миддлтаун не только со всего штата, но и из соседних Нью-Джерси и Пенсильвании, и даже Канады. Центром их притяжения стал все тот же пивбар, выступление в котором давало путевку на большую сцену. Мой бармен Майкл молниеносно сориентировался в новых реалиях и обзавелся знакомствами во всех студиях звукозаписи в округе, и их представители стали частыми гостями бара.

За музыкантами потянулась молодежь со всей округи, и в Миддлтауне сразу закипела жизнь. И тут я понял, что-то пошло не так. Ведь изначально я хотел, чтобы эти великовозрастные обалдуи, резерв для армии битников и хиппи, тусовались где-нибудь подальше от моего тихого, провинциального городка, поближе к Бостону, ведь я специально именно там организовал первый в этом мире рок-фестиваль. Но, ви-

димо, перестарался, слава о моем пивбаре, как кузнице рок-музыкантов пошла гулять по Америке, и я уже ничего не мог с этим поделать.

Оставалось лишь оседлать волну. А это значит, мне предстояло, во-первых, расширить производства пива, во-вторых, создать полноценный цех по производству аэроменов, заказы на которые посыпались как из рога изобилия. Был еще другой вариант – создать производство на паях и пусть уже деловой партнер занимается этой мелочевкой, благо, желающий быстро нашелся – старший брат Джесики, который только что вернулся из колледжа и поняв, что дело сулит большие прибыли, загорелся идеей заполнить мир воздушными танцорами. Отлично, пусть дерзает, я ему еще подкину идею надувных аттракционов и, возможно, надувных лодок. Надо только разобраться не заняты ли еще эти патенты, и если заняты, то выкупить их. Этим я и загрузил Перри Мэтьюза, дела которого после того, как он связался со мной пошли в гору, и он из крохотного офиса на периферии собирался перебраться в один из небоскребов, где должна была обособоваться «Way of Future LTD». Сейчас он как раз подыскивал помещение.

Не меньшую известность в Миддлтауне и его окрестностях приобрели завод «Wilson American» и наш гоночный трек, что занял территорию бывшего аэродрома. Тому способствовала недавняя победа в Ле-Мане и грамотный пиар, основой которого стало выступление на шоу Стива Аллена,

получившее всеамериканский охват.

Любители быстрой езды принялись бомбардировать нас телефонными звонками, а те, кто жил поближе приезжали сами и требовали сделать с их понтиаками, доджами и бьюиками примерно тоже самое что мы сотворили с Фиатом. Все вдруг захотели получить самый быстрый в мире спорткар. И это были не только участники различных гонок, разной степени серьезности, но и простые парни, желающие произвести на своих друзей и подружек достойное впечатление.

Наша популярность была такой, что на данном этапе мы могли стать не только базой для экспансии Альфа Ромео в США и домом для гоночной программы завода, но и кастомной автомобильной студией.

Сперва кастом уже существующих автомобилей, а затем, когда в Милане наладят производство по-настоящему мощных двигателей и трансмиссии с тормозами соответствующего качества, тогда будем уже собирать автомобили под маркой «Wilson American».

В первоначальном варианте истории Кэрролл так и делал. Его Shelby Cobra изначально была продуктом сразу трёх предприятий: британской AC Cars, Ford, который поставлял двигатели и собственно Shelby American.

Теперь вместо британцев и автогиганта из Детройта будет Альфа Ромео.

Но тут есть один нюанс. Нельзя заниматься чистым импортом итальянских автомобилей, двигателей и прочей ма-

шинерии. Как только мы сделаем такие машины, местные производители начнут рыдать от зависти и у нас начнутся проблемы. Сначала Ford с General Motors поплачутся друг другу в жилетку, а потом, утерев слёзы, побегут в сенат с конгрессом. Это только на словах в капиталистических странах свободный рынок и конкуренция. В реальности всё намного сложнее. Едва местные воротилы бизнеса почувствуют угрозу для своего кошелька, как тут же начнут действовать не рыночными методами. Пролоббировать протекционизм в отношении автомобильного рынка, а правительство по просьбе очень уважаемых людей, это без шуток, в Детройте во время войны сделали чуть ли не треть всех боевых самолётов и танков из числа тех, что стояли на вооружении армии США и поставлялись по ленд-лизу, введет такие заградительные пошлины что американский рынок будет для нас просто невыгодным.

Да, наши машины будут намного лучше, чем всё, что делают в Штатах, но для массового потребителя цена окажется заоблачной. Премиум сегмент, конечно, не пострадает, но нам надо стать значимым игроком именно массового сегмента.

В своё время японцы стали главными поставщиками на американский рынок. Так почему бы итальянцам не сделать тоже самое? Для этого нужно всего лишь локализовать производство в США, чтобы машины для местного рынка собирались на месте. Если мы это сделаем, то никакие загра-

дительные пошлины уже не будут помехой. Тем более что в будущем это вполне рядовая ситуация. Тот же Фиат вполне успешно владел такими американскими легендами как Jeep и Chrysler. Европу ждет такая же тенденция. Skoda с Bentley станет бы частью Volkswagen'a, всё тот же Фиат много чего под себя подомнет и прочее. Правда, с моим появлением все пойдет немного по-другому, теперь уже я начну всех поглощать.

Но сейчас я только в начале своего пути. Так что дисциплинированно торчу в Миддлтауне, даже пределы штата не покидаю, жду итальянцев. Мне нужно не только показать практическую пользу от ремней безопасности, но и озвучить идею о заводе Альфа Ромео в США. Свой завод в Миддлтауне я, конечно, под это дело не подпишу, да и площади не позволяют. Так что придется строить новый завод, который я решил строить с Ромео, мне одному такое дело было не вытянуть.

Делегация из Милана прибыла, как и договаривались, в самом конце июня. Сам Винченцо Ромео, ожидаемые мною герр Хрушка с синьором Пулиджа, парочка шишек из совета директоров, сразу четыре инженера с завода альфа Ромео и к моему большому удивлению Алессандра.

Встретила она меня озорной улыбкой с затаившимися бешеными во взгляде и расцеловала в обе щеки, как это принято в Европе. Мои руки сами-собой опустились на ее укрытую лишь легкой материей летнего платья талию и от всех

этих прикосновений и фантазий, сгенерированных гормонами, что сразу же заняли все мысли, меня на пару секунд просто выбило из реальности.

– Фрэнк, потом пообщаетесь, – скалясь от удовольствия, одернул меня Ромео. – Веди уже нас куда-нибудь, – после этих слов вся делегация дружно рассмеялась, смотря на меня с пониманием.

– Добро пожаловать в Америку, – прочистив горло, я пригласил гостей к кортежу из автомобилей, что ждали нас на стоянке у аэропорта. А то, действительно, застряли возле терминала, даже любопытные взгляды стали собирать.

Ромео выразил желание ехать прямо на завод, отдыхать, как заявил итальянец, он во время многочасового перелета уже устал.

Завод, так завод. Пожелание гостя – закон.

К тому же к их приезду у нас всё уже было готово. По моим чертежам был построен испытательный стенд, на котором мы будем моделировать лобовое столкновение на скорости 40 миль в час. Если я правильно помню, то испытания в моём времени проводились на скорости в 64 км/ч, как раз 40 миль. Стенд был устроен очень просто – лента-транспортёр, бетонная стена и несколько камер фото и видео фиксации.

В качестве “жертв” мы купили десяток манекенов и довели их до кондиции, постарались максимально приблизить к среднестатистическому американскому водителю.

Испытывать мы решили не только доставленные из Ита-

лии Джульетты, но и парочку американских машин. Так что новенькие Импала и Бьюик тоже примут участие в шоу.

Да, это влетело мне в круглую сумму, к тому же эти машины будут нещадно разбиты, но все же мои вложения – это не деньги на ветер, а своего рода инвестиция. Благодаря краш-тестам я смогу наглядно показать, как на самом деле работают ремни безопасности и подголовники.

И мне это удалось в полной мере.

Практически целые манекены, которые были в машинах оснащенных нашей системой безопасности и их аналоги, полностью уничтоженные в машинах без ремней и подголовников, убедили итальянцев что ремни и подголовники реально работают и могут спасти очень много жизней.

Помимо итальянских гостей тут был и репортер из журнала «Motor Trend», которому я до этого позволил поснимать победоносный болид, а затем хорошо заплатил за статью в которой будут наглядно показаны различия и последствия столкновений машин, оборудованных моими ноу-хау, и без. Правда, появится эта статья только после того, как усовершенствованные Джульетты начнут выходить с конвейера, не раньше. Ни к чему страшить ужасами будущих покупателей до того, как мы сможем предложить решение всех проблем.

По итогу демонстраций все, кто выступал поначалу против “этих удавок” поняли, что да, ремни безопасности должны стоять на каждой новой машине Альфа Ромео. Сам Винченцо был настолько впечатлен, что за бокалом виски обе-

щал подергать за кое-какие ниточки в Риме и постараться пролоббировать всеитальянский запрет на выпуск любых автомобилей, не оснащенных системой безопасности. Будем надеяться, что ему это удастся, ведь тогда будущее Альфа Ромео обеспечено.

Еще одним итогом демонстрации стала договоренность о строительстве в Милане испытательной станции, где будут проводиться краш-тесты выпускаемых в Италии машин.

Ставший уже незаменимым Пэрри еще до гонки во Франции подал все документы в патентное бюро и теперь строительство испытательных стендов в обход меня невозможно. Это дало мне хороший повод еще немного увеличить пакет акций Альфа Ромео. Ну а как вы хотели, господа итальянцы? Я даже не вхожу в совет директоров, так что пока только товарно-денежные отношения.

Решив этот вопрос, мы перешли к обсуждению перспектив гоночной программы и созданию автомобилей для США.

Надо сказать, Ромео и герр Хрушка хорошо подготовились к поездке в Америку, у них было своя, достаточно хорошо проработанная концепция работы. Спецы из Альфа Ромео трезво оценили свои силы и предложили привлечь сразу двух подрядчиков, и это помимо Wilson American.

Разработкой дизайна должен был заняться Карло Феличе Бьянки “Чичи” Андерлони, его компания автомобильного дизайна, Carrozzeria Touring Superleggera была хорошо из-

вестна на севере Италии. А сам Карло Феличе даже выступал консультантом в создании Джульетты.

К разработке “начинки” ребята из Альфы хотели привлечь Энрико Нарди, его компания раньше тоже занималась автомобильным дизайном, рулевое колесо разработки Нарди, которое устанавливалось в Porsche 356 Speedster было настоящим шедевром. Кроме того, этот талантливый инженер выпускал спортпрототипы, но сейчас сосредоточился исключительно на разработке производства различных узлов автомобилей.

Двигатель, вернее, целую линейку Альфа Ромео планировала производить сама, благо, наработок было более чем достаточно.

В итоге, мы договорились, что итальянцы предоставят нам “полуфабрикат” нашей следующей машины для Ле-Мана, уже в начале следующего года Шелби с командой доведет его до ума. Таким образом, в 1956 году на трассах появится уже заводская команда.

А вот выпуск машин для американского рынка я решил увязать со строительством завода в Штатах. Это моё предложение было встречено с осторожностью. Все вроде бы понимали его перспективность, но где взять деньги? Ведь это уже многомиллионные инвестиции.

В итоге мы сошлись на том что мне необходимо подготовить это предложение более развернуто в виде пакета документов, и когда всё будет готово, мы соберемся уже в Ита-

лии. Я представляю проект на совете директоров и если он будет утвержден, то мы начнем поиск инвесторов. Ни Ромео, ни я такой проект в одиночку не потянем.

На переговоры у нас ушло два дня, а вот третий мне пришлось полностью посветить Алессандре.

К тому времени я уже примирился с тем фактом, что в резиденции Уилсонов поселился нарушитель моего душевного спокойствия, все время провоцирующий меня нагрязнать к нему после вечерних сумерек.

Да, семейство Ромео я как гостеприимный хозяин пригласил погостить в свой дом, а не спровадил вместе с остальными членами делегации в отель. И вот теперь за это расплачивался. Ведь эта итальянская проказница дефилировала мимо меня исключительно в соблазнительных нарядах. Все эти спустившиеся с плеч бретельки, открытые лифы, демонстрирующие приятные на вид округлости, и пышные юбки, обнажающие, от как бы неловких движений, стройные ножки буквально сводили с ума. А я, черт возьми, не железный. Так что, когда Алессандра попросила меня показать ей местные достопримечательности я даже обрадовался.

Первым делом отвез ее на своем ярко-красном Pontiac Chieftain смотреть кукурузные поля, а уже оттуда, в умиротворенном состоянии мы направились в мой в одночасье ставший суперизвестным бар.

Возле входа рвался в небо тот самый аэромен с гитарой, что покорила публику на рок-фестивале, второй, с пивной

кружкой был установлен на въезде в город.

В баре, как всегда, полный аншлаг, но для нас столик нашелся. Майкл вытащил его из подсобки и воткнул прямо возле сцены.

Ленни Брюс уже отговорил свою программу и сейчас выступала «Phone booth». Дерек, ее фронтмен намедни мне хвастался, что они записали свой первый сингл и популярность уже не за горами. Надо лишь дожидаться, когда песню воткнут в радиоэфир.

В своей прошлой жизни я группу с таким названием не слышал, но, возможно, ребята взяли какое-то другое название, хотя может сдаться, что именно я повлиял на их успех.

– Здесь всегда так?.. – так и не подобрала определение Алессандра, которую определенно впечатлило и количество народа, и царящая здесь атмосфера раскованности, сдобренной алкоголем.

– Секс, пиво и рок-н-ролл, – прошептал я ей на ушко.

– Неприлично говорить о таком девушке, – томно пожурела она меня, и мы забылись в поцелуе.

* * *

1-е июля 1955 года. Москва. Площадь Дзержинского, д. 2.

В кабинете начальника Второго Главного управления КГБ при Совете Министров СССР все те же лица: сам генерал-лейтенант Федотов Петр Васильевич, его заместители,

оба в звании полковника Грибанов Олег Михайлович и Шубняков Федор Григорьевич.

Обстановка опять напряженная, ведь повод для совещания – объявившийся дядюшка Ванг или пересмешник, как он теперь фигурировал во всех документах.

И ладно бы этот гад просто засунул свое очередное послание в карман советского гражданина, так нет, в этот раз он даже не ограничился броском камня в окно посольства, сейчас пересмешник протаранил грузовиком забор, огораживающий территорию посольства, правда уже не в США, а в Бельгии.

И после этого у посольских началась веселая жизнь. Приглашение в МИД Бельгии для дачи объяснений, требования впустить полицию на территорию посольства и выдать грузовик со всем содержимым для проведения расследования. От последних пришлось отбиваться, как и от вопросов по поводу ночного происшествия. Дело едва не дошло до международного скандала. И в условиях этой возни вокруг посольства Комитету пришлось проводить спецоперацию по вывозу панелей от янтарной комнаты с территории Бельгии в Советский Союз.

Имелось еще одно, не менее важное обстоятельство – новое послание было сделанное в ультимативной форме.

Политбюро теребит, требует ответы на вопросы, а их нет. Единственное, что им удалось установить, это то, что пересмешник мужчина. По возрасту эксперты дали довольно

большой разбег – от двадцати до семидесяти лет. Эти хваленые эксперты даже не смогли установить его национальную принадлежность.

– Сошлись во мнении, что, скорее всего, пересмешник относится к какой-то европейской этнической группе, но точнее они сказать не могут, – доложил сидящий по правую руку генерала-лейтенанта Грибанов, когда тот в очередной раз захотел прояснить этот момент.

– То есть он может оказаться как русским, так и итальянцем или французом, или даже англичанином. Отличная экспертная работа, ничего не скажешь! – вспыхнул Федотов.

– Судя по тому, что он вернул нам янтарную комнату, он русский, – заявил Щербняков.

– А почему не грузин или армянин? – удивился такой уверенности заместителя начальник второго управления. – Эти ребята похожи на итальянцев, а второй контакт с пересмешником произошел в Италии, да и в США итальянцев полно, и он вполне мог там среди них затеряться. Или ты только русских считаешь советскими гражданами? – тон генерал-майора стал опасно жестким.

– Нет, конечно, но зачем грузину или армянину янтарная комната?

– А русскому зачем? – не понял Грибанов.

– Хочет восстановить историческую справедливость, например, – предложил вариант ответа полковник Щербняков.

– То есть, хочешь сказать он из беляков? Вряд-ли какой-то

солдат или даже командир, оставшийся в Европе после войны, знал о существовании янтарной комнаты. Удачей бы оказалось если бы он хотя бы о Екатерининском дворце что-то слышал, – пояснил свою мысль Грибанов.

– А почему нет? Эксперты же не исключили эту версию, – Щебняков пожал плечами.

– Ладно, оставим это пока, – генерал-лейтенант закурил новую папиросу. Короткий окурочок от предыдущей занял свое место в переполненной пепельнице. – Что мы с этим ультиматумом будем делать?

Вместо ответа полковники прилипли взглядами к лежащим перед ними копиям послания: «Панели янтарной комнаты должны быть переправлены в Союз в кратчайшие сроки. О начале восстановительных работ в Екатерининском дворце прошу сообщить в западную прессу до конца 1955 года».

– В этот раз хоть не иероглифы, – позволил себе съязвить Грибанов. – И даже ни одной метафоры нет.

– Да, по-русски, хоть и с помощью латинских букв, и теперь все предельно ясно, но лучше бы иероглифы про щук и медведей, – Федотов раздраженно вдавил окурочок в пепельницу.

– Там не хотят выполнять? – Щебняков показал глазами на потолок.

– Не до дворцов нам пока! – скрипнул зубами генерал-лейтенант. – Нам бы народ накормить.

– Петр Васильевич, нельзя нам ссориться с пересмешником, – Щебняков даже выпрямился на стуле, до этого сидел, ссутулившись, и локтями подпирал стол. – А вдруг он действительно предсказатель? Мы же тогда потеряем ценный источник информации.

– Вот нам и поручено подготовить аналитическую записку, в которой нужно указать все риски в случае невыполнения требования пересмешника, – устало прикрыл глаза Федотов.

– Его надо искать! – эмоционально выкрикнул Грибанов.

– Где? Сперва он проявил себя в США, затем была Италия, теперь Бельгия – география постоянно расширяется. Да, во всех трех странах начался сбор информации, но когда еще будет результат, – Щебняков развел руками. – Мы даже не знаем кого искать! – ткнул он пальцем в экспертное заключение.

Глава 4

– Фрэнк, не представишь нас своей спутнице? – за наш столик бесцеремонно пристроились три грации. Майкл, предатель, снабдил их стульями, а на мой возмущенный взгляд только плечами пожал и скорчил пантомиму: «я тебе, конечно, сочувствую, парень, но моя жизнь мне дороже».

– Алессандра, моя гостья из Италии, – сделал я что просили.

– Прямо из самой Италии? Это где Рим, да? Эмигрантка что ли? – вразной, но с одинаковым стервозным выражением прощепетали грации.

– А это Джессика, сестра моего делового партнера, Дона – ее кузина и Катрин – девушка солиста группы, что выступает на сцене.

– Очень приятно, – Алессандра лучезарно улыбнулась. – Ах эта милая провинциальная мода, эти очаровательные рюшечки с воланами! – проворковала она, разглядывая наряды американок. – Для меня – это как в детство вернуться.

– Леди, вам что-нибудь заказать? – от большого ума влез я в дамское противостояние, предотвращая драку, и спровоцировал атаку на себя.

– Фрэнк, как ты считаешь, кто красивее американки или итальянки? – и тон, которым был задан этот вопрос, и сузившиеся глаза Джессики источали нешуточную угрозу.

– Мне все нравятся, – попытался я соскочить.

– Ты не ответил, – теперь угроза исходила уже от всех четырех девушек.

– Это очень сложный вопрос, – отхлебнул я пива, чтобы дать себе передышку. – Красота – это ведь не только внешность. Это и душевные качества, и характер, и ум и даже навыки домоводства. Вы со мной согласны, леди? – Леди задумчиво нахмурились, явно не понимая к чему я клоню. – Вам разве не хочется, чтобы вас оценивали не только за размер груди и симпатичное личико?

Девушки синхронно кивнули, соглашаясь.

– Вот поэтому, ответить на ваш вопрос очень сложно. Я же не знаю всех ваших достоинств. Вот, например, ты Донна, умеешь печь кексы?

– Я... что... какие кексы? – захваченная врасплох девушка, запуталась в словах.

– А ты, Джессика?

– И не только кексы, я вообще очень вкусно готовлю, – сориентировалась более сообразительная из кузин.

– А я борщ умею варить, – поделилась своими кулинарными успехами Катрин.

– Правда что ли? – опешил я, никак не ожидая такое услышать от американки.

– Бабушка научила, – потупилась, порозовевшая от моей реакции дочка будущего мэра, а я позавидовал Дереку, что сейчас выделялся на сцене.

– Так, как я делаю лазанью, больше никто в мире не делает! – поспешила заявить о себе Алессандра, почувствовав, что первенство уходит сопернице.

– У меня отлично получаются стейки! – от обиды, что оказалась аутсайдером воскликнула Донна.

– Вот видите, в каждой из вас масса скрытых достоинств, – подытожил я. – Поэтому вам нужно их раскрыть окружающим. И уже тогда требовать у них объективной оценки.

– Эээ? – непонимающе уставились на меня мои соседки по столу.

– Проведите конкурс красоты и тогда узнаете, кто из вас самая красивая, – подсказал я им.

– Конкурс красоты? – хором, но с разными оттенками, кто мечтательно, а кто ошарашенно, переспросили девушки.

– А теперь леди, мне нужно проводить мою гостью к ее дяде, – я встал из-за стола, потянул на себя Алессандру, чтобы не вышло задержки, и пока американки переваривали мой вброс, свинтил, волоча не менее заторможенную итальянку из бара за руку.

– Что такое борщ? – спросила меня Алессандра в машине, когда мы уже выруливали на улицу, где стоял мой дом.

– Свекольный суп.

– Я могу тебе минестроне приготовить, – после паузы, во время которой, видимо, копалась в памяти, предложила итальянка.

– Зачем? – не понял я. Думал я сейчас не о супе, а о том,

где бы припарковаться. Возле дома все было плотно заставлено машинами. Гости пожаловали?

– Ну, раз ты любишь супы.

– Я? – очень содержательный разговор у нас получился, в завершение которого меня огрели дамской сумочкой и наградили каким-то обидным эпитетом на итальянском.

– Ну, наконец, мы вас уже заждались! – встретил нас радостно улыбающийся Винченцо. – Вот господа, знакомьтесь, мой деловой партнер – Фрэнк Уилсон и моя любимая племянница – Алессандра.

Моя гостиная оказалась забита итальянцами в дорогих костюмах, которые, пыхтя сигарами из моих запасов, осушали мой бар. Из знакомых и не итальянцев был только герр Хрушка.

– Фрэнк, позволь тебе представить моего доброго друга президента Dyker Beach golf club – Адриано Фальконе, – с кресла тут же поднялся грузный мужчина с седыми висками и щегольскими усиками.

– Рад знакомству, – он первым протянул мне руку.

– Адриано любезно предложил нам свой клуб для презентации нашей гоночной программы, – просветил меня Ромео о причине знакомства со столь уважаемым представителем итальянской диаспоры в Нью-Йорке.

– Отлично! – а что еще сказать по этому поводу? Меня все устраивало.

– Дядя, а кто-то из знаменитостей на презентации будет? –

просочилась в разговор джентльменов Алессандра, ведь девушкам всегда найдется что сказать.

– Одри Хепберн можно пригласить, – предложил я. Все-таки тянет меня к этой актрисе.

– То, что надо! – поддержал меня Адриано. – Ее знают как в Италии, так и в Америке.

– Помню, помню, – зажмурился от удовольствия Ромео. – Красотка – высший класс! – присовокупил он не менее важное достоинство Одри.

– Но конечно же с вами, Алессандра, она не сравнится, – Адриано отвесил девушке галантный поклон.

– И на какое число назначим презентацию? – спросил я, поймав себя на том, что испытываю злость к этому старому ловеласу, и это было странно, ведь Алессандры оказалось слишком много, и я буквально недавно мечтал от нее отдохнуть.

– На следующий четверг, – ответил Фальконе. – В пятницу клуб под проведение свадьбы зарезервирован, – как бы извиняясь, пояснил он.

– Отлично, – выдавил я из себя улыбку, считая про себя сколько дней мне еще предстоит играть роль радушного хозяина. Получилась неделя. Ладно, могло быть хуже.

Эту неделю, чтобы меньше находиться в резиденции Уилсонов и вообще в Миддлтауне, я полностью решил посвятить делам в Нью-Йорке. И уже на следующее утро под песню своего тезки по фамилии Синатра, жаль, что «New York,

New York» еще не написана, а то была бы в тему, я въехал на территорию Большого яблока.

Не считая моих постоянных визитов в Нью-Йоркские аэропорты, которые носили чисто утилитарное значение взлёт-посадка, не более, я редко бывал в городе. Не то чтобы я его сильно не любил, хотя летом Нью-Йорк ужасен своей атмосферой вечной парилки, но как-то сфера моих интересов сместилась далеко от финансовой столицы северной Америки. И вот, наконец, выдался случай.

Во-первых, радушного хозяина изображать на расстоянии менее утомительно. Во-вторых, случились долгожданные для меня события связанные с биржей: Sea Wolf наконец вышел в море, а затем еще и комиссия по атомной энергетике приняла принципиальное решение о строительстве второй атомной станции на территории США, и что очень важно, эта станция будет частная. Всё это повлияло на рост стоимости акций General Electric, они наконец перестали быть мусорным активом и пошли в рост.

Плюс – акции Американ Тобакко после моего перформанса в Ле-Мане тоже подорожали, причем, впервые за долгое время. И уже совсем скоро они взлетят еще выше, на фоне новостей о том, что Alfa Romeo и Wilson American открывают гоночную программу. И случится это в следующий четверг. Самое время прикупить еще немного акций табачного гиганта.

Поэтому моя первая остановка была на Манхэттене.

Рокфеллер центр, как и в прошлый раз встретил меня приятной прохладой, которая оказалась очень кстати в этот душный июльский день и вышколенным персоналом. Внушительного вида лифтер в мундире с блестящими пуговицами поздоровался, поинтересовался куда мне нужно и вот через десять минут я в одной из бесчисленных переговорных в офисе Merrill Lynch.

С последней нашей встречи мой брокер Феликс Вуд изрядно переменился. Нет, он так и остался самоуверенным щенком, но приобрел лоск: сменил часы на более дорогие, костюм теперь заказывал у портного, и, разумеется, стал пользоваться запонками. Еще и личной помощницей обзавелся.

Смотришь на него и сразу видишь – дела у этого парня идут в гору. Еще бы они у него не шли. Он только комиссии от моих сделок получил более пяти тысяч долларов, а это две среднегодовых зарплаты.

Мои дела тоже неплохи. Сейчас мой инвестиционный пакет оценивается почти в миллион долларов. Отличная сумма, но этого мало, слишком мало для реализации моих планов.

– Очень рад вас видеть, мистер Уилсон, – расплылся в улыбке Феликс, когда мы с комфортом устроились за овальным столом друг напротив друга.

Ассистентка Вуда, эффектная блондинка, копирующая внешность Мэрилин Монро, принесла нам кофе, бисквиты

и виски со льдом.

– Взаимно Феликс. Я приехал обсудить наши дела и дальнейшие планы.

– О, мистер Уилсон, позвольте выразить восхищение вашей финансовой прозорливости! Ваши вложения в два таких рискованных на тот момент актива начали приносить хорошую прибыль! Признаюсь вам, для всех нас это стало большим сюрпризом, – последние слова брокер произнес доверительно, чуть приглушив голос, словно боялся, что коллеги случайно услышат как он принижает их аналитические способности.

Я молча улыбался и пил кофе.

– Помню, в начале нашей работы мы договорились о том, что я должен только исполнять ваши поручения, но позвольте все же сказать – я не советую пока продавать акций GE. Хотя эта сделка и принесет мне очень хорошие комиссионные, но не стоит этого делать именно сейчас. А вот от акций AT можно уже избавиться, они достигли своего пика.

– Спасибо за заботу, Феликс, я ее ценю, но все же не собираюсь продавать акции, – я ведь точно знаю, что и те, и другие акции продолжают расти, – наоборот, в моих планах докупить акции American Tobacco.

– Воля клиента для меня закон, – глаза брокера сверкнули в предвкушении дополнительных нулей на собственном счете.

– Оставим пока это, – охладил я его пыл. – Сейчас мне

нужно от тебя кое-что помимо брокерских услуг.

– Слушаю вас внимательно, мистер Уилсон, – Феликс смотрел на меня как верный подданный на своего короля.

– Минуту, – я склонился над финансовыми бумагами, закурил сигарету. Да, Лаки Страйк мне теперь совершенно не подходил по статусу, но что делать, привык я к ним. Кстати, раз уж я теперь публичная персона, то может договориться о том, чтобы я стал лицом сигарет этой марки. Я и так курю только их, так почему бы не страсти за это денег?

– В общем так, Феликс, – продолжил я, когда увидел всё что нужно и в уме прикинул порядок сумм, – мне нужно чтобы ты, действуя от моего имени, взял кредит в Bank of America, залогом будет часть акций General Electric.

– И сколько вам нужно, Мистер Уилсон?

– Полмиллиона долларов, на эту сумму ты и заложишь акции.

– Простите, мистер Уилсон, но вы же понимаете, что всё время пока акции будут в залоге, вы не сможете получить с них дивиденды. Или вы планируете отдать эти полмиллиона быстрее чем за полгода и успеть к годовому отчету, после которого и будут выплаты?

– Именно так я и собираюсь сделать, – подтвердил я и дал следующие инструкции. – Вырученные деньги ты пустишь на покупку акций American Tobacco.

– Мистер Уилсон, аналитики нашей компании предполагают, что рост акций АТ будет непродолжительным. Сейчас

его стимулировала ваша победа во Франции, позвольте еще раз с этим поздравить, – точно, я же получил открытку с поздравлением от Вуда, – но это очень краткосрочный тренд, скоро он может смениться на стагнацию или даже на падение.

– Давайте засунем мнение ваших аналитиков в задницу, – предложил я, запустив кольца из сигаретного дыма в потолок.

– Что... как?... – вылутился на меня мой брокер. Даже тщательно смазанные лаком волосы приподнялись. – Понял, понял, в задницу их всех, – быстро сориентировался он. Хвалю! Но небольшая порка все же не помешает.

Я встал с удобного кресла, прошелся по переговорной и остановился возле панорамных окон откуда открывался чудесный вид на Пятую Авеню.

– Мистер Вуд, – заговорил я, стоя к нему спиной. – Только я решаю, что делать, а вы претворяете мои решения в жизнь. Без вопросов, без советов, без колебаний. Тем более, вы ничем не рискуете. Как никак вы сидите на проценте, и его вы получите в любом случае. – Последнее я говорил уже развернувшись.

Брокер стоял на вытяжку, от гражданского видеть такое было странно, но я бы не сказал, что мне не понравилось.

– Я все понял, мистер Уилсон. Больше такого не повторится.

– Вот и хорошо, – смягчился я, и Феликс выдохнул. – А те-

перь мне нужен телефон. Хочу прямо сейчас оформить необходимые бумаги, а для этого мне нужен мой адвокат.

Перри появился в офисе Merrill Lynch спустя сорок минут, а еще через час мы, согласовав все пункты, подписали бумаги, и Вуд отправился в банк.

Ну, а мы с Пэрри поехали в Бруклин, смотреть на землю, которую агент по недвижимости, подобранный Мэтьюзом, выбрал для меня.

Это финт с залогом одних акций и покупкой других мне был нужен чтобы максимально быстро получить деньги. Со всем скоро Ромео объявит о гоночной программе, а я о том, что ее спонсором будет American Tobacco и о том, что мы будем участвовать не только в Ле-Мане и Себринге, но и планируемой Дайтоне. Все это приведёт к скачку стоимости акций АТ, благодаря которому я и акции GE выкуплю обратно и нехило так заработаю.

Просто продать акции General Electric я не хотел. Впереди у этой, без всякой иронии великой компании, очень славные времена. Постройка первой в мире частной АЭС, первого атомного авианосца, а потом её величество космическая гонка, где GE будет одним из ведущих подрядчиков NASA. Нет, пока рано продавать акции этого технологического гиганта.

– Всё-таки мистер Рузвельт был гением, – неожиданно произнёс Пэрри, когда мы свернули к тоннелю Бруклин – Бэттери.

– Ты это о чём? – вынырнул я из своих мыслей.

– Он лично настоял на выделении федеральных денег на строительство тоннеля. Сити тогда не потянул бы этот проект в одиночку, и это было гениальное решение. Тогда мало кто понимал, что Бруклинского моста скоро будет не хватать, а Франклин Делано это видел. Великий был президент, величайший.

Насчёт личности Рузвельта я, пожалуй, был с Перри согласен. Как ни странно, в моём времени он оказался в тени распиаренного JFK. Но если посмотреть непредвзято, то что там Кеннеди сделал? Да ничего в сравнении с Франклином Делано. Но, великая сила пиара сделала своё дело.

Мы немного поговорили о нынешнем президенте, Эйзенхауэре, заехали в пиццерию на Кингс Хайвей, она была немного не по пути, но Перри заверил, что там готовят лучшую Маргариту во всем Бруклине, и через двадцать минут приехали туда, где в будущем появится Белт-Паркуэй и мост Верразано.

Сейчас этот район Бруклина ничего из себя не представляет и земля здесь, как и на другом берегу пролива Нарроус крайне дешёвая.

Мистер Стенли Ипкис, агент по недвижимости которого нашёл для меня Перри, искренне не понимал зачем мне эта земля.

– Если вам и нужно что-то поблизости, мистер Уилсон, то я могу договориться об очень хорошей цене на недвижи-

мость на пятидесятой. Там как раз скоро начнётся распродажа имущества Пентагона.

– Спасибо, мистер Ипкис, ваше предложение очень интересно, тем более я помню тот район, он и правда неплохой для организации производства, но сейчас мне нужна именно эта земля, – ответил я ему тогда.

Я решил не мелочиться и купить не только будущий участок строительства моста Верразано, но и часть земли по которой пройдёт Белт-Паркуэй. Тем более, мне повезло, мистер Ипкис узнал, что всё это принадлежит одной конторе по торговле недвижимости, которая сейчас испытывает большие проблемы и недвижимость можно приобрести по бросовым ценам. Я потрачу даже немного меньше, по сравнению с тем, что изначально планировал вложить в этот проект.

Осмотрев мои будущие владения, мы с Перри отправились в его офис.

Наш путь лежал через Боро-Парк, крупнейший в мире район компактного проживания евреев за границами государства Израиль.

Смотря из своего Корвета на Боро-Парк и его жителей: ортодоксальных евреев с их неизменными чёрными пальто, белыми рубашками и шляпами, даже сейчас в дикую жару они были одеты именно так, их жён, в платках и юбках до земли, а также хасидов, которых можно легко опознать по меховым шапкам и окладистым бородам, – я вспомнил, о чем думал совсем недавно, а именно о, что газетная пере-

палка между США и Великобританией как-то спала, а я бедный-несчастный все никак не могу придумать, чем же мне взбодрить гражданское общество США.

Не иначе как сама судьба привела меня в Боро-Парк.

Правда, придется немного подождать, мне не нужна шумиха накануне презентации.

От предвкушения воплощения задумки, что у меня родилась, я даже замурлыкал под нос «New York, New York».

– Что ты там поешь? – сбил мой отличный настрой каверзным вопросом Перри.

– Да в голову что-то пришло, – отмахнулся я.

– Наша знаменитость, Фрэнк Уилсон, еще и песни сочиняет? – подколот меня адвокат.

– Увы, но этого таланта у меня нет, – печально вздохнул я.

Мэтьюз заржал.

– Так и вижу тебя на сцене с гитарой, завывающим твой любимый рок-н-ролл.

– Смешно, – ничуть не обиделся я, и, в свою очередь, представил себя в облегающих кожаных штанах в стиле Фредди Меркьюри, от чего не сдержался. Теперь мы ржали дуэтом.

Глава 5

Гольф клуб располагался в итальянском районе Бруклина Dyker Heights. Приехали мы туда на двух лимузинах. Мы с Шелби и семейство Ромео, состоящее из дяди и племянницы.

Среди приглашенных на устраиваемом Ромео приеме был сам президент Bank of America, рядом с ним держался Алекс Ульманн, основатель 12 часов Себринга, который, как и Bank of America с недавних пор стал моим деловым партнером. С ними-то мы и должны будем во второй части презентации анонсировать начало строительства трассы Дайтона.

Разумеется, такой прием не мог обойтись без Билла Франса, учредителя и главы национальной ассоциации гонок серийных автомобилей National Association of Stock Car Auto Racing, Inc. Это был немного высокомерный даже для англосакса мужчина возрастом ближе к пятидесяти, чем к сорока.

Мой старый знакомый – синьор Манлио Брозио, посол Итальянской республики в США тоже не мог пропустить столь важное для итало-американской дружбы мероприятие.

Также странно было бы не позвать и нашего спонсора. Прием посетил президент American Tobacco Дункан Оппенгейм, а также его сын Кевин, который весной приезжал смотреть наши тренировки перед Ле-Маном.

Шелби пригласил двух талантливых автомобильных ин-

женеров и автогонщиков Захария Аркуса Дунтова и Кеннета Генри Джей Майлза. Обоих он планировал на роль пилотов будущей команды.

Захария Аркуса Дунтова неофициально называли отцом Корвета, а также он дважды, в этом 1955 году и в прошлом 54-м выиграл Ле-Ман в одном из младших классов. Это не было так престижно как победа в общем зачёте, поэтому успехи этого русского еврея остались незамеченными. А Кен Майлз был известен тем, что в 1953 году выиграл 14 гонок подряд в Sports Car Club of America. Что еще важнее, в будущем он должен был стать главным тест-пилотом в программе GT40, которая приведет к доминированию Форда в Ле-Мане. Той самой программе которую возглавлял Кэрролл.

По лужайке, на которой были расставлены столики с угощением дефилировали бродвейские актрисы разного пошиба, но все как на подбор легкомысленно одетые молодые красавицы. Среди этой красоты выделялась Одри Хепберн – истинная звезда сегодняшнего вечера, собирающая на себе взгляды всех присутствующих. Она все же приняла приглашение Ромео и зачем-то притащила с собой кинопродюсера Дино де Лаурентиса, которого никто не звал. Но Дино легко вписался в круг автомобильных дельцов и их гостей, большая часть из которых была его соотечественниками.

– Фрэнк, позволь поздравить тебя с победой на гонках! – подошел он ко мне с бокалом шампанского в руке. – Нам нужно кое-что обсудить, – Дино заговорчески подмигнул. –

У меня к тебе есть очень выгодное предложение, – поднял он градус моего любопытства.

Но меня уже звали на импровизированную сцену и разговор пришлось отложить.

– Дамы и господа, – начал речь Ромео. Сегодня он был в белоснежном костюме, его бриллиантовая булавка на галстуке сияла в свете прожекторов. – Мы собрали вас всех в этом замечательном клубе чтобы сообщить отличную новость. Я, Винченцо Ромео, потомок основателя завода Альфа Ромео и один из его собственников, а также Фрэнк Уилсон на правах акционера и эксклюзивного бизнес-партнера Альфа Ромео на территории США с гордостью сообщаем вам что Альфа Ромео совместно с компанией Уилсон Американ возобновляет свою некогда славную гоночную программу! Заявляю, что новая команда будет принимать участие во всех гонках! – Когда аплодисменты стихли, Ромео продолжил. – Но это еще не все новости. Сотрудничество Альфа Ромео и Уилсон Американ не ограничится гонками. Наши совместные усилия будут также направлены на создание целой линейки автомобилей, которые будут созданы специально для рынка Соединенных штатов и чьей отличительной чертой будет максимально возможное использование всех технических новинок. Наши машины будут самыми быстрыми, безопасными и комфортными!

Переждав очередной шквал аплодисментов, микрофоном завладел уже я.

– А теперь пришло время для третьей большой новости! – после этих моих слов на сцену поднялись президент Bank of America и Алекс Ульманн. Убедившись, что они встали рядом, я продолжил. – Теперь не только в Европе будет 24-часовая гонка на выносливость, но и в США! Уже в этом году начнется строительство трассы в Дайтоне!

– Что?! Как в Дайтоне?! – закричал один из гостей и тут же полез на сцену. – Ублюдки! Дайтона – это моя трасса! Слышите?! Моя! Я не отдам вам свою трассу! Выкусите! – Билл Франс, а это был он, вцепился за отвороты пиджака Ульманна и затряс того словно куклу. – Я же подходил к тебе с этим предложением!

– Билл, успокойся, – попытался вырваться Алекс. – Да ты предлагал, но твое предложение не одобрил банк.

– А сейчас, значит, одобрил?! – брызгал слюной разъяренный глава NASCAR.

– Да, одобрил. Как только в деле появился Фрэнк Уилсон, банк сам вышел на меня с предложением. – Ульману все же удалось освободить свой пиджак, и теперь он стоял отряхивался.

– Фрэнк Уилсон?! – взревел Билл Франс и попер на меня. – Значит это ты, щенок, украл мою мечту!

– Охрана! – наконец, кто-то вспомнил об этих чудных ребятах во всем черном.

– Да уймись вы уже! – на его пути оказался тучный президент Bank of America, который из-за своего веса не мог

похвастаться такой же резвостью, как у меня.

– Ах ты жирная свинья! Указывать мне еще будешь?! – хук справа вышел знатным. Президент банка улетел в партер.

Женский визг и треск от сломанной мебели несколько не отвлекли бузотера. Он несгибаемо пер словно бык на красную тряпку, которой сегодня был я.

Дальше отступать было уже не солидно, но не драться же на глазах у сотни свидетелей.

Хотя, глядя на воодушевленные лица журналистов, отхвативших такую сенсацию, они были бы счастливы узреть именно такой вариант развития событий.

Обломитесь, шакалы. Взял агрессора на болевой прием и сдал подбежавшей охране.

– Фрэнк, ты цел? – возле меня словно не откуда возникла перепуганная Алессандра.

– Да все нормально, – дежурно отговорился я, соображая, как происшествие отразится на цене акций, нашел взглядом Оппенеймов. Что отец, что сын, судя по их виду, подсчитывали убытки, из-за чего пребывали в шоке.

Президента Bank of America уже подняли на ноги и даже какая-то расторопная актриса с Бродвея приложила к его лицу кружевной платочек, и смотрела так ласково, что сердце банкира дрогнуло. По крайней мере, уезжали они с вечера вместе.

– Черт знает что! – матерился Ромео, умудрившийся измазать травой свой белоснежный костюм. Попытки испра-

вить приводили только к разрастанию зеленого пятна.

– Тебе тоже что ли прилетело? – не понял я.

– Да меня какая-то корова сбила! Носятся все, как ошпаренные! – разразился он эмоциональной тирадой. – Кто вообще этот ненормальный, который испортил нашу презентацию?! Этот урод еще пожалеет, что перешел дорогу Ромео! А охрана куда смотрела?! – набросился он на своего доброго друга Адриано Фальконе, который как раз подошел с вопросом «не может ли он чем-то помочь?»

– Какие у вас тут страсти кипят, даже хлеще, чем у нас в кинобизнесе! – подбросил топлива в огонь Дино.

– Я так испугалась, когда этот странный человек набросился на тебя, – вымученно улыбнулась Одри.

– Все было под контролем, – заверил я ее, утонув в глазах актрисы.

– Да, я видела. Ловко ты его, – она продолжила меня гипнотизировать.

– Фрэнк, на держи выпей, – нашу визуальную связь разорвала Алессандра, заняв тактически верную позицию между нами.

– Фрэнк, ты можешь уделить мне пару минут? – предложил мне выход из щекотливой ситуации Дино. – Или может лучше завтра встретимся?

– Лучше сейчас. Леди, прошу прощения, – выхватив из рук Алессандры стакан с чем-то алкогольным я направился к беседке. – Так что там у тебя?

– Фрэнк, мне пришла потрясающая идея! Что если снять фильм о вашей победе в Ле-Мане?!

– Гран-при?

– Что, прости?

– Название, говорю, для фильма такое подойдет.

– Гран-при, – посмаковал Дино. – Отлично! Именно то, что нужно! – в восторге воскликнул он. – Я знал, что не ошибся в тебе! Гран-при – это же гениально! – он все никак не мог успокоиться.

– И я буду сопродюссером, – добавил я.

– Да, конечно, без проблем! Фрэнк, ты просто находка для меня! Как удачно ты тогда напросился в наш с Одри в самолет! – расхохотался Дино.

Пока он не полез обниматься, я спросил его об актерах, которых он хочет пригласить на роли Шелби и Уилсона.

– Грегори Пек, – не раздумывая, ответил Дино.

– Это на роль Шелби, для меня Пек уже староват. Что ты думаешь о Шоне Коннери?

– Шон Коннери, – наморщил лоб кинопродюсер. – Что-то не помню такого.

– Он из начинающих, но очень перспективных.

– Откуда ты его знаешь? – удивился Дино. – Ты же далеко от мира кино.

– В общем, посмотри его. Потом скажешь свое решение. И о деталях все же давай чуть позже поговорим.

– Да, конечно, – закивал Дино. – Надеюсь эта безобразная

драка не отразится на твоих делах?

– Любой пиар полезен, – подбодрил я сам себя.

С утра все газеты Нью-Йорка пестрили схожими заголовками: «Безобразная драка в Dyker Beach golf club», «Автопроизводители и банкиры передрались на приеме», «На победителя гонок Фрэнка Уилсона напали в гольф клубе», а также фотографиями «я заламываю руку Билла Франса», «победный хук Билла Франса и полет банкира».

Ромео вместо завтрака курил одну сигарету за другой, то и дело срываясь в ругань.

Я же прилип к тексту Motor trend.

«Господа гонщики, организаторы гонок и автопроизводители, вы джентльмены или нет? То что произошло на недавней презентации гоночной команды Wilson – Alfa Romeo возмутительно!

Гонки – это поистине королевский вид спорта, место где соревнуются настоящие джентльмены. Гонщики – это современные рыцари, которые рискуют жизнью каждый раз когда выходят на трассу.

И что делают Фрэнк Уилсон и Билл Франс? Устраивают жуткую свару, вместо того чтобы сесть друг напротив друга и просто поговорить. Так не поступают в приличном обществе!

Господа, может быть вам стоит последовать нашему совету и сесть за стол переговоров?

Наша газета готова предоставить площадку для дискуссии

и даже выделить медиатора».

Мои поиски разнообразных эпитетов для автора статьи прервал телефонный звонок.

– Слушаю, – хмуро бросил я в трубку.

– Мистер Уилсон, это Феликс Вуд. Акции American Tobacco растут! И вы просили узнать об акциях Альфа Ромео, так вот, они тоже пошли в рост!

– Спасибо, Феликс, ты меня очень выручил, – я в первый раз за утро улыбнулся.

– Нормально все, – теперь уже я отвлек Винченцо от ру-гани. – Скандал нам пошел на пользу.

Проводив семейство Ромео до аэропорта, я вздохнул воз-духом свободы, понаслаждался немного этим состоянием и поехал проворачивать свою недавнюю задумку, возникшую когда я ехал по еврейскому кварталу. А ехать мне предстояло не близко, намного дальше Пенсильвании и Нью-Джерси, в Мичиган. Ведь типография, в которой придется делать заказ на печать листовок должна находиться как можно дальше от Нью-Йорка. Напечатать хотя бы пару тысяч листовок на пи-шущей машинке – задача нереальная, так что только типо-графия, а мне нужно было минимум тысяч десять, а лучше – все двадцать.

С ее поиском и с размещением заказа проблем не воз-никло. Деньги решили все проблемы. За срочность и ано-нимность пришлось выложить круглую сумму, зато никаких вопросов и получил заказ уже на следующее утро. Дольше

текст сочинял, на это дело потратил пару дней. Как ни странно, помогла память Фрэнка. Он, будучи влюбленным в Сару Шапиро, всячески старался понравиться как девушке, так и её отцу, поэтому иврит с идишем он более-менее выучил. Вот и мне пригодилось. Так что с помощью знаний реципиента и словаря мне удалось создать то, что по задумке должно всколыхнуть всю Америку.

Разумеется, меня после такого начнут усиленно искать. Именно поэтому я поперся в такую даль и выбрал чужую личину. Загримировался в этот раз я под Эдгара Гувера, но с пейсами. Хочу передать ему таким образом привет. Пусть знает, что у меня и на него есть планы.

* * *

Это был прекрасный июльский шаббат, и достопочтенный Самюэль Маргошес, известный раввин, журналист и автор большого количества книг шел в синагогу на Оушен Парквей.

Самуэля пригласил туда близкий друг, еще один нью-йоркский раввин, Абрахам Джошуа Хешель, который, как и Маргошес был не простым раввином, а журналистом, писателем, богословом и философом.

Поводом для приглашения стала бар-мицва юного Ицхака, младшего из племянников Хешеля, который был любимчиком своего дяди и обещал тоже стать выдающимся теоло-

гом и философом. Шутка ли, мальчику всего тринадцать, а он уже знает наизусть не только Тору, все её 613 законов, но и Сидур!

Выдающиеся способности Ицхака не оставили Маргошесу выбора, когда речь зашла о подарке. В его семье хранился старинный Сидур на иудее-арамейском, древний фолиант, которому больше двухсот лет. Маргошес очень им дорожил, но всё-таки принял решение отдать его одаренному Ицхаку.

Так что мысли у раввина были сейчас исключительно о предстоящей бар-мицве.

Маргошес перешёл улицу, свернул в переулок где и стояла синагога, на пороге которой он и замер.

Там стоял его друг раввин Хешель. Но не это его поразило. Весь тротуар у входа в синагогу, как и ступеньки, ведущие к двери, были буквально завалены листовками. Одну из которых и держал в руках раввин Хешель.

Маргошес сделал тоже самое, наклонился за листовкой и прочитал написанный на ней текст на идише.

“Америка, страна которая еще недавно была пристанищем и безопасным домом для избранного народа больше не является таковой! Десятки нацистских преступников, нелюдей виновных в уничтожении миллиона евреев по всей Европе нашли здесь свое убежище!

Звери, которые еще десять лет назад жгли нас в печах и травили в газовых камерах спокойно ходят по тем же самым улицам, по которым ходим мы, дышат одним с нами возду-

хом и работают рядом с нами в тех же институтах и компаниях.

К ужасу всех евреев это официальная политика, начатая еще администрацией предыдущего президента, Гарри Трумэна. Именно президент Трумэн санкционировал так называемую операцию «Скрепка», благодаря которой многие видные нацисты получили новые биографии и смогли спокойно переехать в США, где получили теплые места и возможность продолжения своей бесчеловечной работы.

Одним из таких “отмывшихся” нацистов является Вернер Фон Браун, создатель печально известных ракет ФАУ и ФАУ 2, с помощью которых нацисты обстреливали Лондон.

Сейчас, этот человек, член НСДАП с 1937 года и штурмбаннфюрер СС, лично ответственный за гибель десятков евреев и сотен людей других национальностей на своём полигоне в Пенемюнде работает в Редстоунском арсенале рядом с городом Хантсвиллем, штат Алабама.

И это только один из многих десятков нацистских убийц, волков в овечьей шкуре, которые проживают и наслаждаются свободой в одной с нами стране”.

Два уважаемых нью-йоркских раввина, два философа и журналиста смотрели друг на друга и не знали, что сказать. Им обоим было больно. И Маргошес и Хешель были не просто раввинами, но и убежденными антифашистами.

Маргошес еще в 1934 году организовывал протесты против фашистских партий в США, а Хешель потерял всю се-

мью.

Сестра Абрахама, Эстер погибла во время немецкой бомбардировки. Его мать была убита нацистами, а две другие сестры, Гиттель и Девора, погибли в нацистских концентрационных лагерях. После войны он ни разу не был в Германии или Польше. Однажды он написал: «Если бы я поехал в Польшу или Германию, каждый камень, каждое дерево напоминали бы мне о презрении, ненависти, убийствах, убитых детях, сожженных заживо матерях, задушенных людях».

И шаббат и бар-мицва юного Ицхака прошли в атмосфере подавленности и уныния. А когда раввин Маргошес после захода солнца вернулся к себе домой на Манхэттен он снял чехол со своей пишущей машинки и сел за работу.

Он не вставал почти сутки и в понедельник полная боли и скорби статья для The Forward была готова.

Но не только раввин Маргошес тем вечером работал. Листовки с аналогичным содержанием заполонили весь Бруклин, вернее ту его часть где компактно проживали евреи, как “обычные” так и хасиды. И прочитали эти листовки очень многие, например, Исаак Башевис Зингер, будущий нобелевский лауреат, который в это время как раз проживал в Боро-Парке.

И уже в понедельник еврейский Нью-Йорк всколыхнуло.

Под влиянием своих религиозных и интеллектуальных лидеров, а также из-за памяти о том ужасе, от которого десятки тысяч евреев бежали в США.

Это был, пожалуй первый раз, когда случились не еврейские погромы, а наоборот. Кое-где в городе серьезно пострадали административные здания, а посольство ФРГ вообще попытались сжечь.

Но не это было самое страшное.

* * *

Вернер фон Браун проснулся в отвратительном расположении духа, беспорядки охватившие далёкий Нью-Йорк напрямую касались лично его, как никак всё что было написано в тех листовках было правдой.

Хоть его куратор из ФБР мистер Ньюман и заверил фон Брауна что ему ничего не угрожает, охрана усилена, и его работа на правительство соединённых штатов в любом случае продолжится, но напряжение Брауна все-равно не отпускало. Интуиция как-будто кричала об опасности.

Без аппетита позавтракав, фон Браун поехал к себе в арсенал, дорогие были свободны, и он прибыл даже раньше обычного.

На просторной парковке перед зданием арсенала было непривычно пусто, только один единственный форд стоял недалеко от входа.

Фон Браун вылез из машины и пошёл ко входу.

Когда он поравнялся с Фордом из него вышел его новый лаборант, Абрахам Вайсман. Ранее всегда выглядевший без-

упречно Вайсман сейчас был одет в помятый костюм, а из машины к его ногам скатилась пустая бутылка из под виски.

– Что с вами, мистер Вайсман? – удивился Фон Браун глядя тому в глаза.

Взгляд у лаборанта ему не понравился, он был в равной степени безумный и предрешенным.

Абрахам не ответил, он сунул руку за пазуху и достал оттуда до боли знакомый Фон Брауну по прежней жизни Вальтер ПЗ8.

– Сдохни, нацистская мразь! – закричал Вайсман и разрядил в своего начальника почти весь магазин пистолета.

Почти, потому что он выстрелил в немца 7 раз. А последний, восьмой патрон оставил для себя.

Усиленный наряд охраны, который обещал Брауну Ньюман добежал до места трагедии, когда было уже поздно. Два трупа – это нет тот результат, за который похвалит начальство.

Глава 6

10 июля 1955 года. Овальнный кабинет, Белый дом, Вашингтон Округ Колумбия.

– Господа, объяснитесь! Как так получилось, что важнейшая для обороноспособности нашей страны отрасль под угрозой? Не вы ли уверяли меня и президента Трумэна, что утечки информации о “Скрепке” быть не может? – последний вопрос был предназначен только Гуверу.

В овальном кабинете после более чем часового экстренного совещания созванного из-за Нью-йорских погромов остались лишь трое – президент Дуайт Эйзенхауэр, директор ЦРУ Аллен Даллес и директор ФБР Джон Гувер.

– Господин президент, могу вас заверить, что со стороны ФБР утечки не было.

– Тогда почему информация о фон Брауне всплыла? По данным разведки Советы уже начали свою космическую программу. И в основе их ракеты лежит ФАУ-2 фон Брауна. Все верно, мистер Даллес?

– Да, господин президент, – откликнулся директор ЦРУ. – Эксперты скептически оценивают их Ракету Р7, но Советы над ней еще работают.

– Спасибо, мистер Даллес. Итак, коммунисты на основе немецких разработок создают ракету, а на нас работал чело-

век, который создал тот самый прототип. Вы понимаете, что лучшего кандидата для главы нашей космической программы и быть не могло?!

– Да, господин президент я понимаю, – безэмоционально ответил Гувер. Он прекрасно осознал, что убийство фон Брауна – это отличный шанс избавиться от него, как от неугодного директора ФБР, о чем многие, включая президента США, уже давно мечтают.

– А теперь его нет, мистер Гувер. И виноваты в этом ваши люди! Именно они допустили его убийство. – Эйзенхауэр встал, закурил, прошёлся по кабинету и, уняв эмоции, снова обратился к Гуверу.

– Что на сегодняшний день уже сделано для устранения дальнейшей угрозы программе “Скрепка”?

– Охрана всех остальных участников программы усилена, зачинщики беспорядков – Маргошес и Зингер арестованы, сейчас мы проверяем их на предмет связи с Советами и разведкой Израиля.

– Думаете, это продолжение Египетской истории?¹ – Эйзенхауэр перевел взгляд на директора ЦРУ.

– Мы, как и ФБР, тоже ведем проверку в этом направлении. По ее результатам я вам доложу. Пока резидентура мол-

¹ Речь идет о провале операции военной разведки Израиля в Египте, суть которой была в том, что организованная израильскими секретными службами группа еврейской молодежи занималась диверсионной деятельностью, в том числе против американских учреждений в Египте, с целью испортить отношения этой страны с США.

чит.

– Ублюдки! – выплюнул Эйзенхауэр. – Сперва они устраивают диверсии в Египте, затем погромы в Нью-Йорке, и после этого имеют наглость нам Ноту протеста направлять! Видите ли, мы обязаны выдать им всех нацистских преступников!

– С Советами спелись, – прокомментировал Даллес. – Комми ведь схожую ноту нам направили. Еще и островитяне из-за фон Брауна возбудились. Не верят, что его убили, подозревают в инсценировке и требуют экстрадиции Брауна для суда.

– Вот видите, что вы натворили! – президент бросил обвинение Гуверу. – Вы хоть выяснили кто организовал вброс этих чертовых листовок, которыми был усеян весь Нью-Йорк?

– Мы работаем, господин президент. Пока можно сказать одно – этот человек наверняка образованный еврей. Речевые обороты, которые использованы в этой листовке характерны только для лиц, получивших образование в еврейских колледжах. Кроме того, анализ бумаги и чернил показал, что они скорее всего отпечатаны в Пенсильвании. Сейчас мы проверяем все типографии штата.

– Проверяйте. Я жду ваши отчёты о том, как идет расследование каждые 12 часов, – сделав внушение директору ФБР, президент перешел к следующему вопросу. – Теперь что у нас с ветеранами войны? Вы, мистер Гувер, как-то со-

бираетесь их утихомиривать? Они же уже третий день возле Белого дома и Капитолия митингуют. Конгресс бурлит, в нем тоже нашлись сторонники проведения суда над запятнавшими себя в связях с фашистами германскими учеными. Ну хоть в Израиль не предлагают их отправить, хоть на это у них ума хватило.

– Их аресты вы, господин президент, сами запретили, – смотря куда-то перед собой напомнил директор ФБР.

– Разумеется, запретил! Вы что сами не видите разницы между евреями и ветеранами войны? Последние в отличие от первых пользуются полной поддержкой общества! Вы еще предложите на них национальную гвардию натравить, как это было сделано в Нью-Йорке. Пять сотен раненых и десятков убитых нам тогда покажутся каплей в море, – президент был очень недоволен результатами подавления беспорядков в Нью-Йорке и тем, что ему пришлось дать согласие на ввод в город национальной гвардии. Порядок они, конечно, навели, но цена оказалась по мнению общественности слишком высока. Вся мировая пресса прямо слюной исходила, описывая творимые в США зверства над еврейским населением. А то, что эти евреи устроили настоящую травлю всех, кто имел германскую фамилию, об этом почему-то заокеанские журналисты предпочли умолчать. Но больше всего его раздражало то, что гнев всех этих протестующих был направлен против него, типа он, как носитель германской фамилии защищает интересы своих в ущерб остальным гражданам Аме-

рики. И все это спровоцировала пресса, которая, как местная, так и Европейская муссировала тему его происхождения и после, как написали все газеты “кровавого умирения протестующих против фашизма в Нью-Йорке”, называли его не иначе, как железным дровосеком (значение фамилии Эйзенхауэр).

– Сейчас в Конгресс на рассмотрение пытаются пропихнуть законопроект о сворачивании программы страхования жизни ветеранов, – задумчиво проговорил Гувер. – Можно сообщить об этом ветеранам и перенаправить их гнев уже на конгрессменов, что лоббируют интересы частных страховых компаний и на самих страховщиков.

– Боюсь, тогда от мирных митингов они перейдут к погромам, – усмехнулся Даллес. – Могут и Капитолий штурмом взять, – добавил он уже намного тише, как бы поражаясь своему же анализу развития ситуации.

Но президента предостережение директора ЦРУ не смутило, он продолжал задумчиво смотреть на директора ФБР, размышляя при этом над тем, что пока рано избавляться от «вечного Гувера». Да, за тридцать лет этот человек запустил свои щупальца слишком глубоко и иногда казалось, что именно Гувер управляет США, но именно сейчас он как никто был полезен Эйзенхауэру.

Заголовки общенациональных газет были один другого краше. Тут и “Массовые беспорядки в Нью-Йорке” и “Администрация президента осуждает еврейских активистов”, и вопросительное “Вашингтон ждет участь Нью-Йорка?”, и моё любимое – “Костлявая рука Советов играет на чувствах евреев”, и неожиданное «Мистер Эйзенхауэр, вы чей президент – всего американского народа или только выходцев из Германии?»

В общем план-максимум по раскачке американского общества был мною выполнен. Нью-Йорк полыхал. Безумная толпа громила и грабила кафе и магазины, принадлежащие выходцам из Германии. Самих носителей немецких фамилий избивали на улицах и вламывались в их дома, которые тоже вычищали под чистую. Беспорядки продолжались четыре дня пока в город на помощь полиции не ввели национальную гвардию, которая и подавила, как окрестила их пресса, еврейские бунты. Результат – полтысячи раненый и десять убитых евреев, которых общественность уже окрестила “десятком мучеников”.

От такой жестокости Америка содрогнулась и под конец первой декады июля в Вашингтон потекли потоки людей, и были это не только евреи, но и другие возмущенные политической страны граждане США. И самое для хозяев Белого дома

и Капитолия паршивое, к протестам присоединились ветераны недавно отгремевшей мировой войны, которые не понимали, почему это власти защищают тех, кто еще недавно был их врагами – фашистов, а на американских граждан натравливают собственную армию.

Но настоящий сюрприз ждал меня тринадцатого июля, когда Таймс опубликовала статью о громком убийстве в Алабаме. Это было, пожалуй, моё самое значительное вмешательство в ход истории. Устранение Вернера фон Брауна, того, кто отправил человека на луну – это уже не игры в песочнице, это удар по американской космической программе. НАСА, конечно, справится, но вот результат, вполне возможно, будет сильно хуже. Всё-таки фон Браун был гением.

Испытывал ли я угрызения совести? Сложно сказать. Да, мне было жаль случайных жертв моей мести, но в то же время мне нравился созданный мною хаос. Даже полегчало немного от осознания того, что хоть и на самую малость, но я стал ближе к своей цели.

А сейчас мне предстояло ненадолго отложить Большую Игру. Бизнес стал отнимать львиную долю моего времени. Но пока он был только в зародыше, и на этом этапе я не мог перепоручить управление им кому-то другому. Сперва нужно было крепко встать на ноги. Вот и приходилось всем заниматься самому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.